ПереКРЕСТок одиночества – 3

Автор:
Дем Михайлов

ПереКРЕСТок одиночества – 3

Дем Михайлов

Крест #3

Главный герой многого добился в этой жизни – и заскучал. Заскучал по временам, когда шёл к цели, и каждый прожитый день был наполнен смыслом и борьбой. Что ж, судьба даёт ему возможность снова испытать эти чувства. Правда, в условиях, совсем некомфортных. Герой оказывается в странном месте, где каждый день нужно бороться за жизнь. Где, чтобы поесть и согреться – нельзя расслабляться ни на минуту. В месте, которое стало его тюремной камерой и маленькой вселенной. Действительность открывается герою шаг за шагом и поражает. Оказалось, что его крестообразная камера движется в воздухе и вместе с ним летят другие такие же узники. Путем неимоверных усилий и сопутствию удачи ему и группе заключенных удается сбежать. Но на земле, в этом загадочном и пугающем мире осталось еще много загадок.

Теперь здесь его называют охотником. И однажды нанимают для исследования неизведанной территории. Находка, которую обнаруживает охотник, приводит его к тайнам других поселений, а те не очень-то готовы открывать эти тайны.

Дем Михайлов

ПереКРЕСТок одиночества 3

Глава первая

– Так ты не охотник теперь! – заметил сидящий в отапливаемом салоне вездехода Зурло Канич.

Я сидел к нему спиной и не видел его лица, но знал, что почти восьмидесятилетний крепкий старик нервничает. Настолько сильно переживает, что его даже потряхивает – как и его верного товарища Анло Дивича. Как и еще троих их соотечественников, закутанных в тряпки так плотно, что казались приткнутыми к стене коконами. Я знаю имена каждого из них, но они все время молчат, стараясь даже не шевелиться, и поэтому остаются для меня безликой живой массовкой.

Я сосредоточен на дороге. И на разговоре с Зурло и Анло.

Оба они граждане Луковии. Оба они сидельцы, что отбыли здешний тюремный срок от звонка до звонка – полные сорок лет отлетали внутри одиночных тюремных келий. Оба они были высажены на ледяных просторах, получив долгожданную свободу. И они же оба, оказавшись в Бункере, основанном и управляемом бывшими жителями моей родной планеты Земля, стремились оказаться среди своих – таких же, как они, выходцев из Луковии. Да… за моей спиной сидели два инопланетянина, что выглядели абсолютно обычными людьми. Разница в облике настолько невелика, что не сразу и обратишь внимание – первое, что сразу бросится в глаза, так это как бы расплющенные переносицы. Затем, уже заметив чуть необычный разрез глаз, удивишься тому, что щетина на верхних губах невероятно густая, прямо как сапожная щетка, а вот на щеках и подбородке она уже куда жиже, хотя той же длины. И только беззастенчивое разглядывание позволит заметить еще пару отличий – форма ушных раковин, чуть иные, будто приплюснутые затылки, удивительно крупные зубы. Но все это такие мелочи, что по ним никогда не опознаешь «чужих». А если и заметишь все эти несообразности, то скорее поинтересуешься, с какой такой далекой страны они родом. И если они, к примеру, коротко скажут, что мы, мол, с Исландии, Гренландии или там еще откуда – то ты и поверишь. Даже проверять не станешь, как там на самом деле выглядят коренные жители. Возможно, заглянув им под одежду, можно увидеть что-то более… иное… но я такой потребности в игре «найди сто отличий» не ощущал. Люди как люди.

Вот такие вот инопланетяне.

Одна из рас, что также, как и мы – земляне – обладает стойкостью к здешнему… шепоту… что вечно доносится от страшного Столпа, представляющего собой исполинскую ледяную колонну с плененным внутри невероятным существом колоссальных размеров…

Все мы рабы, что оказались непонятно где. Все мы застряли в крохотном промерзшем мирке, наполненном хищными тварями, что всегда рады полакомиться человечинкой. Все мы не больше чем крохотные муравьи, что населяют снежный мир-пончик, где в центре высится Столп, а внешние границы вроде как обозначены огромным валом из сбитых и упавших тюремных крестов. Что там за этими внешними границами – не знаю. Но очень хочу узнать. И уверен, что если жив буду – то обязательно узнаю.

– Ты не Охотник теперь, – повторил Зурло Канич, а сидящий рядом с ним Анло Дивич подтвердил это сдержанным странноватым возгласом, свойственным этой расе.

Возглас звучал как «вор-воур» и использовали они его часто и по любому поводу, когда требовалось выразить свое согласие с услышанным.

Прислушивался и приглядывался я с интересом, стараясь узнать и запомнить как можно больше мелочей. «Гора из песчинок, океан из капель, дом из бревен, а человек из мелочей складываются», – так говаривала моя бабушка.

– Я продолжаю охотиться, – не согласился я.

– Я об имени твоем. А не о роде занятий…

– Ух, как прозвучало, – тихо рассмеялся я и тут же поморщился от пронзившей лицо тупой боли.

Прошло три дня с той памятной встречи с Гарпунером Ахавом, а лицо заживать не торопится. Электротравмы и обморожение – наверное, одно из самых мерзких возможных сочетаний. Такое впечатление, что организм никак не может сообразить с чего начать регенерацию.

Потянувшись вперед, я опустил ладонь на торчащий из-под консоли управления синий рычаг и до щелчка опустил его, позволив затем вернуться обратно.

– Мы… у нас, – продолжил Зурло Канич, но вдруг запнулся и замолк ненадолго, чтобы продолжить через несколько секунд уже куда более смущенно: – Не знаю, интересны ли тебе слова усталого иноземного старика…

– Все мы люди, – покачал я головой. – Неважно, откуда ты. Неважно, как ты выглядишь и на каком языке говоришь. Даже твои слова… не так важны, чтобы придавать им слишком много значения.

– А что тогда важно?

– Действия. И самое главное – итог этих действий, – ответил я, сквозь толстые стекла кокпита глядя на медленно ползущую навстречу снежную целину. – Говорить можно что угодно. Как и обещать. А вот пообещать и выполнить – это вызывает уважение.

– Ты свое слово держишь.

– Мы пока не добрались.

– Уверен, что…

– Не загадывай, – чуть грубовато прервал я старика, но тот не обиделся и понимающе хмыкнул:

– Как говорят у вас – чтобы не сглазить. Не накликать.

– Не поэтому. Просто… такая слепая уверенность расслабляет. Заставляет отнестись с небрежением к делу.

– Ты удивительный человек, Охотник. Мое мнение и мои слова действительно не так важны, как мне бы порой хотелось. Я лишь старик, бредущий в потемках. А свеча моего разума уже изрядно ослабела.

– Учитывая, насколько хорошо изучен русский язык… не соглашусь, что свеча твоего разума начинает затухать…

– На изучение чего угодно у меня было сорок лет, – рассмеялся Зурло Канич. – Сорок неспешных размеренных лет, когда каждый час может тянуться целую вечность. На что еще тратить годы, как не на смиренное познание доступного? Мы – совокупность известного нам.

Я невольно вздрогнул, передернул под теплым свитером плечами, глухо пробормотал:

– И снова Фариа…

– Я… прошу прощения?

– Не читали? Роман «Граф Монте-Кристо». Авантюрный приключенческий роман французского автора.

Произнеся эти слова, я взглянул на изрядно распухшую сумку с личными вещами, лежащую рядом у моей ноги. Привычкам своим я не изменил, по-прежнему не расставаясь с самым важным. В сумке прибавилось вещей. Ведь два дня назад на обратном пути от Красного Круга я обдуманно позволил себе чуть отклониться от маршрута и навестить место крушения моего тюремного креста. Хотя обдуманно ли? Нет. Тут я кривлю душой – два с половиной дня от моей холодной продуманности действий мало что оставалось. Меня трясло и корежило, мне казалось, что я умираю, но я заставлял себя делать хоть что-то, двигаться куда-то, убираясь прочь от места схватки с Ахавом Гарпунером.

Я до сих пор окончательно не оправился. Но отлеживаться времени не было – хотя я позволил себе отлежаться целые сутки, когда…

– Соединяющий души, – внезапно произнес Зурло Канич. – Только эти слова подходят из вашего языка? Они самые простые… Еще есть слово «почтальон»…

– Почтальон вместо Охотника? – рассмеялся я и, вытащив из держателя высокий и только на треть полный стакан, сделал небольшой глоток сладкого крепкого чая.

– Нет-нет… м-м-м… ты особый человек… Это всего лишь совпадение, конечно. Да и мы не такие уж грешники, чтобы заслужить столь великую кару… но к тебе это подходит удивительно точно, мой друг, если позволишь так тебя называть.

– Вы очень хорошо изучили наш язык, – повторил я. – Так что за совпадение?

– Это из нашей истории. Возможно, не слишком интересно…

– Все лучше, чем заснуть на ходу, – заметил я.

– Что ж… мы расскажем. Хотя «Соединяющий души»… не совсем подходит.

– Спаситель! – предложил Анло и тут же смущенно закашлялся. – Или Спасатель… Проводник? Ведущий?

– Просто расскажите, что он делал, этот ваш проводник – и я пойму, как его назвать на нашем языке, – сказал я.

– Что ж, – повторил Зурло. – Что ж… Там…. Далеко-далеко отсюда, на нашей родине… тоже есть холодные снежные места. Есть места куда холоднее этого.

– Логично, – кивнул я и сделал еще один глоток чая.

– И эти места обширны. Я слышал, что на вашей планете есть два полюса – северный и южный.

– Верно. Гиблые места, где нет постоянных поселений – не считая научных станций.

– У нас все примерно так же. Но наша родина холодней. Снега и льда у нас больше. Конечно, все стремятся жить в самых теплых местах. Наш экватор… там нет таких тропиков, какие, как я слышал, имеются на вашей планете.

– У нас есть тропики, – согласился я, не став ему говорить, насколько сильно царапает мой слух словосочетание «ваша планета».

– Наша цивилизация… все наши страны… они заняли свои территории на экваторе подобно бусинам различного размера. Но речь не о нашем мироустройстве. Нет. Я хочу рассказать о нашей древней системе наказаний для особо тяжко согрешивших. Наказаний для преступников. Если тебе неинтересно, Охотник…

– Мне интересно.

Откашлявшись, Зурло что-то уточнил на своем языке у Анло, они вместе перебрали несколько слов и наконец-то история началась:

– Сейчас у нас… у них там… современная судебная система. Есть тюрьмы. Все как положено. Но до сих пор каждый из приговоренных к смерти может попытаться… может выбрать себе «ледяной забег».

– Звучит мрачно.

– Это действительно мрачно, Охотник. Но мы чтим эту традицию. Хотя на самом деле все очень просто – избравшего эту участь преступника увозят прочь от теплых мест. Его везут во льды и снега – в место, подобное этому. В место, подобное миру вокруг Столпа, где мы сейчас живем.

– Зачем?

– Его везут за многие километры. И чем серьезней его преступление, чем тяжелее его грех, тем дальше его увозят от обитаемых теплых мест. Также в зависимости от тяжести преступления рассчитывается количество еды, снаряжения и одежды, что будет позволено ему иметь.

– Кажется, я начинаю понимать…

– Как я и сказал – традиция мрачна, но проста. Приговоренный к смерти вправе попытаться искупить свою вину «ледяным забегом».

– Его увозят в гиблые места… и бросают там.

– Да.

– И он…

– Или она…

– Справедливо. И преступник должен…

– Ты правильно понял, Охотник. Оставленный в снегах преступник знает, в какой стороне находится спасение – ему указывают направление. Один раз.

– Вот сейчас я не совсем понял…

– Направление к спасению указывают лишь один раз, – терпеливо повторил Зурло Канич. – Компаса преступнику не оставляют. И если он потеряет направление… то будет блуждать среди снегов до тех пор, пока не умрет от голода или холода. В старые времена преступников оставляли в розе следов…

– Как-как?

– Я взял аналогию с розой ветров. Видимо, ошибочно… в старые времена преступник оказывался в месте, откуда следы лыж ведут в разные стороны. Это делалось специально.

– Чтобы он не мог выйти по следам к спасению. Чтобы у него не было путеводной нити.

– Да. В наши времена преступников доставляют по воздуху. Следов не остается. Но им указывают направление один раз. Поэтому в старые времена следы специально путались, скрещивались и разбегались. Им нельзя было верить, этим обманчивым линиям на снегу и льду.

– И каковы расстояния?

– Они разные. Зависит от…

– Я понял. Зависит от тяжести преступления. И какова дистанция за убийство?

– Нет-нет… не все так просто, Охотник. Нет фиксированной дистанции за то или иное преступление. Когда преступник выбирает «ледяной забег», по его делу назначается… сход? Совет?

– Комиссия? Новый суд?

– Да… да… собираются важные люди, что снова изучают его судебное дело. Кого он убил, по какой причине, какого возраста и пола была жертва, случилось ли, к примеру, изнасилование, и была ли смерть жертвы быстрой или долгой и мучительной…

– Хм… То есть убивший ребенка гад…

– У него почти не будет шанса спастись.

– Почти?

– Нельзя оставить даже такого за тысячу километров от жилых мест, одетого только в тонкую куртку и рваную шапку… понимаешь? Шанс должен быть всегда. Но иногда шанс этот призрачен… он столь же призрачен, как у нас здесь – каковы были наши шансы отсидеть все сорок лет в тюремном кресте и не умереть от болезни, не быть сбитыми Столпом…

– Понимаю, – кивнул я и допил чай. – Хорошо. Снабженный тем или иным снаряжением и пропитанием преступник оказывается брошенным в снегах. И дальше все зависит только от его стойкости и силы воли. Он должен пройти весь путь и если не сумеет – умрет, и никто не придет его спасать.

– Все так, Охотник. Ты понял правильно. Это всегда очень долгая и тяжелая дорога. И пока он идет по ней – он может подумать о своих грехах, он может вспомнить лицо убитого им и раскаяться…

– И как часто это удается? Выйти живыми в теплые места.

– Редко. Очень редко. И на это мало кто решается.

– Даже приговоренные к смерти?

– У нас убивают мгновенно и безболезненно. Секунда – и ты мертв. И у нас не предупреждают о времени смерти. Тебя казнят прямо в твоей же одиночной камере.

– Вот ты ел кашу… и вот ты уже лежишь головой на столе, так ничего и не успев понять?

– Да. Мучительное ожидание… и все же милосердная молниеносная смерть.

– Я понял, – медленно кивнул я. – Понял… но причем тут я?

– А ты бы попытался? Решился бы?

С помощью закрепленного передо мной зеркала заглянув в глаза сидящего позади старика, я ответил:

– Да. Даже если бы меня выгнали в снега голым и босым – я бы предпочел это, а не внезапную смерть за тюремным завтраком.

– Ты силен душой, Охотник.

– Но я так и не понял… Проводник? Соединяющий души?

– Сейчас ты все поймешь. Мы… не все… но многие из нас считают, что это как… «ледяной забег». Понимаешь? Нас сюда сослали искупать грехи. Это лишь символично… акт веры… а может. просто попытка придать смысла этому злобному безумию, что исковеркало наши жизни…

– Ты очень хорошо знаешь наш язык.

– Мой «ледяной забег» длился сорок лет и продолжается. Было время изучить многое, – горько рассмеялся Зурло. – Видишь ли, Охотник, преступник, что бредет в снегах… он не один. С ним всегда идет кто-то рядом. Мы его называем по-разному, много у него имен. Но он не проводник… и не указывающий путь… он просто идет неподалеку от тебя, иногда сближаясь и разговаривая.

– Это человек? Настоящий? Из плоти и крови? Или что-то вроде святого духа или ангела-хранителя?

– Вот! Ангел-хранитель! – воскликнул старик – Правильное название! Да! Но он не святой дух, нет. Он такой же, как ты – человек. Его задача – разговаривать с тобой. Понимаешь? Он всегда тот, кто опытен в снегах, кто может жить во льдах и не погибнет даже в лютую пургу.

– Профессиональный охотник?

– Кто-то такой, как ты…

– Я не профессионал, – покачал я головой, борясь с желанием впиться ногтями в зудящую щеку.

– Но однажды ты им станешь. И вот тогда ты был бы тем, к кому первым обратится… комиссия… что попросит тебя сопровождать преступника, избравшего «ледяной забег».

– Он может указывать ему путь?

– Нет. Это запрещено. Во всяком случае, не напрямую. Но он делает нечто куда более важное… он разговаривает. Он идет рядом с бредущим по снежным полям и разговаривает с ним. Они беседуют о разном – вот как мы сейчас с тобой. Он прислушивается к словам преступника, вглядывается в его лицо, оценивает каждый его жест. И заодно подбадривает, не дает…

– Угаснуть его духу, – вставил Анло. – Подбадривает!

– Да. Он подбадривает его. И иногда, когда сопровождающий видит, что преступник действительно раскаивается, проявляя при этом истинную стойкость духа… он может дать ему пару мелких подсказок. У вас, как и у нас, есть игра «горячо-холодно».

– Не говорит напрямую, но если раскаявшийся преступник идет в неправильную сторону, то ему могут подсказать…

– Да. Иными словами… иносказательно… Очень редко он может даже дать тебе немного еды.

– И он будет с преступником до самого конца?

– Да. И он же погребет его на месте смерти, если таковая случится. Заберет только голову.

– Мелочь какая…

– Это традиция. Чтобы ни у кого не возникло сомнения. Ведь они там одни – в снежной пустыне. Никто не должен сомневаться, что сопровождающий исполнил свой долг. И никто не вправе наблюдать за ними и слышать их слова. Они разговаривают днями и часами. Беседуют. О совершенном преступлении. О жизни. О всяких вроде бы неважных мелочах…

– И снова – причем тут я?

– Так ведь… ты точно такой! У меня мороз по коже побежал, когда ты начал задавать свои вопросы. О том, как мы себя чувствуем, что думаем, какое у нас настроение, что думаем о том и о сем… ты умеешь спрашивать и умеешь слушать. Ты очень внимателен, Охотник. Не пропускаешь даже мелочей. Будь ты там, у нас… тебе бы поручили это святое тяжкое дело сопровождения в «ледяном забеге». Вот поэтому я и сказал, что имя Охотник тебе больше не подходит. Ты… ты Равэйрэс… Но перевести невозможно. Но ближе всего – Последний друг. Последний спутник. А еще их называют Оценивающими и Решающими. Не знаю… но… мне прямо почудилось, что ты выносишь нам свой личный безмолвный приговор – помогать или нет, стоим мы твоей помощи или нет…

– М-да, – хмыкнул я, невольно завороженный этой мрачной традицией. – Преступника на мороз – и пусть бредет босиком по снегу, разговаривая за жизнь с… как там его?

– Равэйрэс… Их всегда очень мало. Они всегда живут в снегах, возвращаясь в тепло очень редко. Они улыбчивы и говорливы, но ничего не рассказывают о себе. Они любят одиночество. Они готовы помочь, но не бесплатно – считая, что любая помощь должна быть оплачена или заслужена. Они умелые слушатели и

всего парой слов могут разговорить любого молчуна. Тебе никого не напоминает это описание, Охотник?

– Равэйрэс, – с мрачным смешком пробормотал я. – Нет. Я Охотник. А заодно водитель вездехода… Спасибо за красивую историю, Зурло. И тебе Анло. Поспите немного. И дорога станет короче.

Меня поняли правильно, и в машине стало тихо. Еще раз дернув за синий рычаг, я одной рукой открутил крышку термоса, налил себя еще горячего чая, сделал бодрящий глоток и опять вперил взгляд в медленно наплывающие снежные холмы. Глаза смотрят в ближайшее будущее, а вот мысли в недалеком прошлом – вернулись на три дня назад, когда меня, уже вроде бы отогревшегося, вдруг прихватило прямо в Красном Круге. Тогда я думал, что там и останусь навсегда…

* * *

Тогда, несколько дней назад, когда я впервые оказался в начавшем оживать промороженном вездеходе «чужих», меня внезапно отключило. Это случилось так же внезапно, как казнь смертника в Луковии. Бац – и ты уткнулся лицом в недоеденный тюремный завтрак. Я не упал, а просто обмяк в удобном водительском кресле и отрубился. Сколько прошло времени до моего прихода в себя – не знаю. Не было времени поглядеть на часы. Чувствуя холод, видя перед собой сотни пульсирующих звезд, что застилали мне взор, единственное, что я успел – дважды дернуть за синий рычаг под консолью управления. Я почувствовал ударивший по ногам поток теплого воздуха и опять отключился. Очнувшись в следующий раз, повторив манипуляцию с рычагом, я неловко сполз с кресла и растянулся на боку, исторгнув стон боли и облегчения одновременно – тело жутко затекло, меня пронзали мурашки, ныли суставы и шея, а перед глазами все так же пульсировали крохотные искорки звезд. И шепот… призрачный настойчивый шепот, что звучал в моей голове столь же усыпляюще и бодряще, как ночной северный ветер за стеной снежного убежища. Такой ветер гонит стылую снежную пыль поземки над мерцающим льдом с вмороженными телами глядящих в холодное звездное небо сидельцев…

Не знаю, что именно пытался донести Столп до моего измученного и израненного электричеством разума. Я не слушал. Мне было слишком плохо. Я провалился так глубоко, что кто бы ни звал меня оттуда, я бы не услышал. Или

не захотел бы услышать.

Мне повезло. Я не умер. Именно повезло – хотя я ненавижу это слово, ведь произнося его вслух, приходится признавать, что это была слепая удача, а не результат продуманных четких действий. Хотя будь на моем месте кто-то «похлипше», как называла всех худосочных и болезненных моя бабушка, он вряд ли бы выжил. Но крепкое закаленное тело выдержало. И это снова убедило меня, что удача приходит к подготовленным.

Придя в себя в очередной раз, я чуть полежал неподвижно и вскоре убедился, что сейчас я проснулся, а не очнулся. Это открытие добавило мне сил, и я поднялся, всполз обратно на кресло и дернул за чертов рычаг. С губ само собой сорвалось:

– Пока больно – ты живой, пока тяжко – ты живой, пока горько – ты живой. Ох… – замолкнув, я зажал щеки и подбородок между ладоней и протяжно застонал.

Удар электротоком не прошел даром. Электротравма и была причиной моего долгого беспамятства. Но даже отлежавшись – без питья и еды, на металлическом полу – я все равно чувствовал последствия удара Ахава Гарпунера.

Самое противное – ноющая боль в челюстных и вообще в лицевых мышцах. Я не мог нормально владеть челюстью и – уверен – вряд ли могу сейчас нормально владеть мимикой, я чувствовал мелкую дрожь лица. Вскинув глаза, неожиданно увидел подтверждение своей теории – лицо отразилось в изогнутом длинном зеркале, закрепленном над стеклами кокпита. В нем отражался весь салон. И в нем отражался я – страшный, почерневший, с впавшими глазами на опухшем багрово-черном лице с двумя вздутыми ранами. Ладони горят огнем, пересохшее горло уже даже не саднит, но чувствуется, что с ним полный кошмар. Колено чуть затихло, а вот ребра пронзает резкая частая боль. Я сижу неподвижно, стараясь уподобиться роботу или там киборгу, что бесстрастно оценивает собственные повреждения и текущие возможности.

Заодно я пытался понять, почему меня вырубило с таким запозданием. Так и не придя ни к чему определенному, но поняв, что организму очень плохо – и в первую очередь от нехватки воды, я еще разок дернул за рычаг под консолью – пусть машина не остывает – и, хромая на обе ноги, поплелся к выходу из салона,

едва сдерживая позывы организма…

Еще раз побывав в душе, через силу запихнув в себя пару кусков пеммикана и влив побольше воды, я принял имеющиеся лекарства, переоделся, затем неспешно и без всякой на то особой причины постирался… после чего разом почувствовал себя гораздо лучше. Вряд ли мои вялые действия и пара старых таблеток могли так улучшить мое состояние. Просто благодаря всему этому я вышел из состояния сонливости, вернувшись в стылую реальность.

Одевшись, подавил желание завалиться на ближайшую мягкую поверхность и подремать – хватит. Вместо этого я вернулся к гусеничной машине и занялся ее тщательным осмотром, баюкая в руках горячий и сладкий черный кофе. С каждым глотком мне становилось все лучше, и вскоре я убедился – не умру. Можно продолжать, Охотник, можно продолжать.

Внешне вездеход выглядел как наша земная техника времен конца девятнадцатого и начала двадцатого веков. Те же грубые жесткие очертания без малейших попыток сгладить углы. Зато прочность и тяжесть зашкаливают. Я не инженер, но с почти полной уверенностью могу предположить, что вездеход конструировали те же, кто занимался созданием невероятно надежных тюремных крестов. По сути это пустотелый стальной слиток. Крылья ему обрубили почти под корень, для чего-то оставив их зачатки. Мощное тупое рыло украшено сегментной полосой выпирающего стеклянного кокпита. Чтобы харя не зарывалась в сугробы и торосы, машина поставлена на высокие широкие гусеницы. Само строение траков какое-то странное… я не могу понять, в чем разница – я не техник-спец. Ясно лишь, что принцип тот же, что и у нас, а вот сами траки и катки выглядят чуть иначе. Гусеницы ничем не прикрыты, так что если на вездеход и можно вскочить во время его движения, то только сзади. А там имелся широкий откидывающийся люк – почти во всю заднюю стену. Тоже удобно. И тоже не ново. К заднице вездехода никаких вопросов не возникло, а вот к рылу были – и еще какие. Впрочем, стоило мне вспомнить ничуть не обтекаемую морду своего тюремного креста, и я отбросил все вопросы. Тут над обтекаемостью и аэродинамичностью, похоже, не особо заморачивались. Но летающим утюгам они и не требовались – они особо не маневрировали и не ускорялись. Вот и вездеход выглядит обычным куском металла на гусеницах. И в целом это логично – не такие уж здесь большие расстояния. А в те времена, когда здесь все только начиналось, уверен, что снега и льда было куда меньше, а местность была ровнее.

Допив кофе, я прекратил наматывать круги вокруг машины и забрался внутрь – через боковую широкую дверь, что вела в салон. Третий и последний выход я заметил не сразу – он был расположен в полу. Зато открывался он просто – требовалось лишь отжать на себя по скобе с двух сторон, и стальная плита легко поднималась на шарнирах, открывая доступ к пространству между гусеницами.

В самом салоне не было ничего, кроме пары приваренных к стенам широких стальных лавок. В кабине управления имелось три кресла. Причем центральное предназначалось для водителя, а два боковых явно отводились для пассажиров или наблюдателей, что в принципе равнозначно. Я так решил по причине отсутствия перед боковыми креслами каких-либо приборов или органов управления. Зато там имелось по небольшому квадратному столику, что идеально подходил для произведения записей. Ну или кофе поставить можно – были соответствующие отверстия. Перед центральным креслом – с подлокотниками – два рычага и две педали. Это не считая еще нескольких кнопок и рычагов на консоли управления. Еще имеются два явно не сенсорных мерцающих экрана, на которых не было изображено ровным счетом ничего – просто желтое ровное свечение. С этим придется разобраться позже – если машина вообще на ходу. Ведь гараж пуст – не считая этого вездехода, все прочие машины исчезли.

За время изучения машины я отыскал несколько отсеков, что явно были предназначены для хранения различных предметов. Всего таких нычек обнаружилось пять – все внутри салона. Самые большие расположены в полу, те, что поменьше – под столиками по сторонам консоли и в подлокотниках водительского кресла. Четыре отсека пустовали – там даже пыли не было. А в том, что под моим левым подлокотником, отыскалась прямоугольная деревянная – деревянная! – коробка, украшенная инкрустацией из цельного красного круга. Коробка деревянная, круг из какого-то минерала – но это навскидку. Но точно не пластик. Простенький откидной запор, а внутри различные коробочки и прозрачные колбочки. Были и почти знакомые на вид блистеры из блестящей фольги. Много поясняющего и явно сложного текста на непонятном мне языке. Аптечка. Тут и думать нечего – штатная аптечка вездехода.

Чуть позднее отыскались еще три отсека – они были снаружи. Два из них скрывались в тех самых обрубках крыльев и были самыми большими. Еще один находился на крыше вездехода и представлял собой неглубокий, но широкий

отсек, что прикрывался крышкой с тремя запорами. Верхний хранил в себе непонятные запчасти – это я понял сразу. «Крылатые» отсеки несли в себе груз штатного инструментария и запчастей. Все было так аккуратно размещено, что еще оставалось достаточно пространства для дополнительного груза. Опять же машина выглядела такой мощной и крепкой, что вполне могла взять негабаритный груз прямо на крышу – там имелись проушины для крепления троса.

Почувствовав приближение очередного приступа, я забрался в машину и расположился на водительском кресле. Торопливо дернул за синий рычаг и приготовился к худшему – опять провалюсь в бессознанку. Взгляд невольно упал на «чужую» аптечку – там наверняка есть средства помощнее моего парацетамола и аспирина. Но я не в настолько отчаянном положении, чтобы прибегать к столь… крайнему средству.

Обошлось. Накатила ватная слабость, попер пот, но вскоре приступ прошел, и я почувствовал облегчение. И радость – ведь я остался в сознании, а симптомы были выражены гораздо слабее. Хотя все равно страшновато – нельзя забывать, где я нахожусь и что полагаться могу только на себя.

Окончательно придя в себя, вернулся к делам, и первая же посетившая меня мысль была крайне корыстной – отсюда надо вынести как можно больше всего. Не факт, что однажды я сумею сюда вернуться. Поэтому надо тащить то, что поддается, а что не поддается – отвинчивать, отрывать и опять же тащить. Оборудование в приоритете. И ведь я даже дернулся к выходу из салона, но… остановился и тихо рассмеялся.

Наивный, наивный жадный Охотник.

Оборудование? Тащить и тащить?

А на чем? Пока что из гарантированного у меня есть только нарты и собственные ноги.

Вездеход?

Пока что это просто гусеничный памятник наподобие тех отработавших свое старичков, которых подкрашивают как дешевых кукол и ставят у дорог –

красивые, внешне могучие, но уже никогда не двинутся с места самостоятельно. Я помню себя мальчишкой – однажды забрался в такой вот памятник, пролез в кабину и с робостью нажал на какой-то пыльный холодный рычаг. Нажал и сжался – сейчас машина загудит и поедет! Ух как меня будут ругать…

– Рычаги, – пробормотал я, садясь ровнее в кресле водителя. – Они с детства со мной, да? Ну что, железный инопланетный друг… скучаешь? Твои тебя бросили – а я вот подобрал. Хочешь еще побегать по снежной пустыне, дружище?

Пока говорил, глаза и руки рыскали по консоли, быстро отметая явно не те варианты. Тут не должно быть ключей зажигания. Это военная исследовательская машина. Тут все должно быть очень просто – сел, ткнул кнопку, вжал педаль – и поехал. Это логика. Ну или рычаг от себя – и поехал. В бортовых системах вездехода уже есть энергия – я много раз дернул рычаг. Так что осталось найти и… Чуть подсвеченная овальная кнопка прямо над синим рычагом – логично же! – притянула мое внимание. Именно ее я и нажал без малейших колебаний.

На мгновение поток ласкающего ноги горячего воздуха прервался… а затем машина успокаивающе едва слышно зарокотала, где-то подо мной зашумели шестерни, запуская таинственный механизм. Это ведь не двигатель внешнего сгорания. Хотя смазка ведь нужна? Наверное, нужна… но пока главное – это понять, удастся ли мне сдвинуть машину с места…

Первая педаль никак не отреагировала. А вот вторая педаль… подавшись вниз, она щелкнула и встала на позицию. И тут же машина рывком дернулась вперед и пошла со скоростью медленного пешехода – хотя тогда мне показалось, что мы полетели! Я торопливо ткнул педаль, и она ушла глубже, щелкнув еще раз. Машина ускорилась. Чисто инстинктивно я нажал вторую педаль, и тут же произошло следующее – вездеход замедлился. Я нажал еще раз… еще один щелчок. И мы остановились. Утирая пот, я качал головой и смеялся, глядя на запертые створки, что находились в десяти сантиметрах от кокпита вездехода. Чуть не произвел бравый таран…

Ладно. С педалями я разобрался. Судя по всему, это переключатели скоростей. Считай, коробка передач. Рычаги – стопорят ту или иную гусеницу. Так вездеход разворачивается. А задняя скорость? Не вижу тут отдельного рычага, педали или кнопки для заднего хода. Надо разбираться… пожалев, что кофе закончился, я чуть запоздало поместил на колени увесистую книгу с толстыми

листами – найдена в левом большом багажнике, причем лежала в особом тряпичном чехле с ремнем для носки. Поищем картинки…

Картинок нашлось больше чем текста. Не став тратить время на попытку разгадать таинственные буквы треугольного формата – так я классифицировал для себя этот странный язык, где каждая отдельная буква вписывалась в треугольник, что состоял в свою очередь из черточек, квадратиков и прочей вписанной в него мелочи. И не факт, что это буква – тут я торопиться не стану. На нашей планете тоже есть языки, где каждый символ – это отдельное слово. Смущало еще кое-что – я видел немало слов на стенах, дверях и полах исследованных мной уже двух «иных» сооружений. И там буквы были не такие. Уж точно не треугольной формы.

Зато картинки порадовали – их тьма. Все четко пропечатанные, все строго последовательные и явно рассчитанные на то, что однажды за рычагами управления вездеходом может оказаться кто-то вроде молодой неопытной лаборантки, что так же далека от техники, как я сейчас от дома.

За изучением первых нескольких листов полчаса пролетели незаметно. Пробежавшись по отмеченным как особо важные картинкам еще разок, я поддал тепла доказавшей свою работоспособность машине и выбрался в гараж. Я уже знал, что вот так просто сесть, дать по газам и уехать не получится.

Вскрыв боковой технический отсек, я нашел в полу и отщелкнул пару запоров, после чего внутренняя стенка вместе с двумя полками просто поднялась, как багажник машины. Подперев их специальными стойками, обнаружившимися в нужных стенных пазах, где они были закреплены чем-то вроде задвижек, я присел и задумчиво уставился на открывшуюся моему взору здоровенную прозрачную емкость. Знакомое бронестекло, что к тому же усилено частой стальной решеткой. За стеклом бурлит – реально кипит – горячая прозрачная красная жидкость, что до жути напоминает вскипяченную кровь. Хотя почему «напоминает»? Это и есть кровь – машинная. Это смазка. Но в этом мире, судя по стрелкам на картинках, что вели к мониторам, энергетическим цепям и прочей внутренней требухе, смазка выполняет немало дополнительных функций и служит еще и чем-то вроде энергопроводящего густого геля. Я толком не разобрался и решил называть ее так, как она выглядела – кровь.

На прозрачной емкости был четко указан зеленой жирной отсечкой нормальный уровень. Убедившись, что смазки маловато, я выбрался наружу и поднял с пола

заранее вытащенную штуковину, что больше всего походила на сложенную раскладушку. Следуя запомненным инструкциям, я открыл пару запоров, надавил в одном месте, а в другом потянул. В моих руках оказалась двухколесная тележка с высокими ручками. С ней я и направился к углу гаража, отмеченному поделенным вертикально пополам красно-зеленым квадратом. Там, как и было обещано священной книгой инструкций, я отыскал скрытую изморозью сдвижную дверь. Сумев отпереть, не скрывая радости, воззрился на небольшой складик с тремя стеллажами, большая часть которых была занята примерно пятидесятилитровыми консервными банками… другого сравнения я не нашел для этих емкостей с зелено-красными квадратами на каждой стороне. Нагрузив тележку двумя банками, я без проблем откатил их к вездеходу. Взяв из багажного отсека еще три широкие стойки, соединил их, как положено, закрепил одним концом на гусенице, а другой упал на пол. По получившемуся трапу я легко поднялся сам и завез тележку, что с четкими щелчками поднималась по пазам. Для проверки я отпустил ручки… и тележка осталась на трапе. Реально справится и малосильная лаборантка.

Заправка… залив смазки… был прост и скучен. Скатив одну банку, я поместил ее в зелено-желтый круг с отверстием посередине, после чего выдвинул из стены и разложил рычаг, на который с силой надавил. На банку опустился тяжелый рычажный пресс, одновременно внутри что-то лязгнуло, банка дрогнула, и на этом все кончилось. Продолжая удерживать рычаг, я терпеливо ждал и смотрел на прозрачный бак, где медленно повышался уровень алой кипящей жидкости. Чтобы не терять время попусту, я перекатывал в голове все узнанное из инструкций.

Смазка – твердая.

В банках она представляет собой что-то вроде отформованного куска красного камня. Можешь с ней делать что угодно, хоть сиди на ней или в духовку горячую закинь – она жидкой не станет. В жидкую форму смазка переходит только при подаче на нее энергии – и насколько я понял, речь не только об электричестве, а еще и о той энергии, что я передаю во внутренние системы, когда нажимаю на рычаг.

В моем новом вездеходном быту это означает следующее – «холодный» вездеход с места не двинется. Смазка находится в большинстве его узлов и сочленений. И без энергии она просто облепляет все его подвижные части, как закаменевшая смола. Поэтому, прежде чем трогаться с места, надо выждать не менее пяти

минут, трижды за этот период дернув за синий рычаг или два других рычага, что дублировали его функцию и были расположены в основном салоне машины.

Эти знания приводят к следующему грустному выводу – вот так просто выбежать, впрыгнуть в «непрогретую» машину и поскорее убраться от опасности просто не получится. Чтобы избежать подобного и не оказаться в опасной зоне без возможности ее покинуть, в инструкции настоятельно рекомендовалось в любых вылазках оставлять в машине дежурного водителя или хотя бы «живую батарейку». На картинке был нарисован скучающий парень с книгой на коленях и рукой на рычаге – сидит в салоне, пьет кофеек, ждет возращения основной бригады исследователей и не забывает поддерживать машину в «горячем» состоянии. Хотя это не так уж и трудно – спустя какое-то количество первых нажатий – еще не разобрался, какое конкретно – рычаги перейдут в состоянии «запертости», как на крестах, и доступными будут становиться только при необходимости. Тоже разумно – если передуть резиновый шарик, то он просто лопнет.

Подняв рычаг, я убрал опустевшую банку и поместил на ее место полную. Вдавил рычаг и опять замер, дожидаясь, когда «каменная» смазка перейдет в жидкую форму и всосется в прозрачный бак. На меня снова накатил приступ, и опять я сравнил себя с аббатом Фариа, пока висел на рычаге, радуясь, что все случилось именно в этот момент.

Чуть придя в себя, вернулся к инструкциям.

Поломки.

Вот одна из самых страшных угроз. Вездеход сложнее тюремного креста – у него больше подвижных частей, многие из которых к тому же находятся снаружи и взаимодействуют с внешней средой. Все это повышает скорость и степень износа. А особо крупные снежные медведи обладают такой силой, что вполне могут что-то сотворить даже с выглядящими несокрушимыми стальными гусеницами.

Ну…

Инструкция относилась к поломкам… оптимистично-фаталистично, я бы сказал.

Первый раздел был веселым – там описывались рядовые нештатные ситуации, которые можно было решить силами экипажа. Открыть один лючок, проверить второй, прочистить тот канал, открутить вентиль, перейти на резервный энергорычаг в случае поломки основного. Как заменить лампу фонаря, как правильно выдрать из траков застрявшую там серьезную помеху – и с помощью какого штатного инструментария.

А вот второй раздел был куда печальней – там просто описывалось поведение вездехода при таких-то и таких-то ситуациях, а затем следовал один и тот же совет – одеться, снарядиться, накинуть на плечи рюкзаки, связаться воедино, взять оружие наизготовку и покинуть машину. Домой пешком. Потому что в полевых условиях такую поломку не исправить. И в каждом из таких случаев экраны в кабине загорались тревожно-красным. Так что как только кабину зальет багровым светом – пора бежать.

Но оптимизм составителей инструкции радовал. Все сводилось к двум советам.

Поломка такая-то? Не беда! Берем и чиним!

Поломка такая-то? Не беда! Руки в ноги – и валим!

Третий раздел я пока особо не изучал, но там было немало информации об оказании первой помощи тем бедолагам, кто попадут под струю кипящей красной смазки. И судя по гримасам закапываемых в снег страдальцев, это будет невероятная боль. Хотя неудивительно – кипящее масло это жуть.

В четвертый раздел я едва заглянул – и первое, что увидел, так это явно какую-то энергопушку, что установлена на крыше вездехода. У меня такой не было. Найдется ли она где-нибудь в гараже? Судя по размерам – вряд ли. Но я поищу. Я обязательно поищу…

Закончив с загрузкой смазки во внутренние системы, я закинул пустые банки в салон и… бодро похромал с тележкой обратно к складу. В голове уже крутились схемы загрузки салона, и я уже знал, что пока не опустошу весь найденный склад и не перегружу его в вездеход, я другими делами заниматься не стану. Спохватившись – голова еще чуток тупит после электроудара – вернулся обратно и дернул за синий рычаг. Машина должна оставаться «горячей».

Таская банку за банкой, я размышлял о разном, но только не о постороннем – не позволял себе сбиться с мысленного курса. Все мои мысли были посвящены машине.

Как много смазки жрет?

Каковая максимальная скорость?

Как быстро странная смазка снова кристаллизуется, если закончится запас энергии?

Вопросов в голове крутилась уйма, и большую их часть я записал на отдельном листе, выуженном из собственной сумки.

Пока голова думала – тело работало. Приступы болезненности никуда не делись, но становились все реже и слабее. Организм работал как отлаженный механизм – сказывались часы тренировок. Ну и сама ситуация заставляла быть максимально собранным.

Закончив со смазкой – двадцать три банки – я занялся контейнерами, осторожно загружая и перевозя их к вездеходу, где и оставлял рядом с пока закрытым основным задним люком. Я увезу отсюда все, что можно увезти. Закончу со складом, загружу все в салон, затем наспех перекушу и продолжу мародерствовать уже в основных помещениях. Надо спешить – я пока здесь, а голова уже там, в ледяных стылых пустошах, на пути обратно к Бункеру и к Апостолу.

Трудись, Охотник. Трудись…

Мне удалось сорвать джекпот и выжить. Осталось суметь воспользоваться плодами победы…

Глава вторая

Джекпот…

Выигрыш.

Преимущество.

Да. Именно оно – его величество преимущество, что порой оказывается решающим фактором. Всю его невероятную силу я не раз ощущал на собственной шкуре – особенно в начале своего тогда еще интересного мне самому и увлекательного пути к богатству и статусу. Не счесть, сколько раз мне предпочитали другого компаньона в том или ином бизнес-начинании. Почему выбирали другого? Потому что у него уже были давние связи с важными лицами отрасли, к примеру. Или он мог инвестировать больше. Или он просто от рождения обладал такой харизматичной внешностью, что сразу к себе располагал.

Преимущество… маленькое или большое, но преимущество.

Настоящий дар божий.

Но ровно до тех пор, пока ты не расслабляешься, считая, что благодаря своему козырю недосягаем для соперников. Это я тоже видел не раз. Харизматичный и улыбчивый спустя пару месяцев вылетал из проекта, и я занимал его место. Тот, кто имел связи, вдруг разом утрачивал их, когда покровитель умирал от сердечного удара или просто терял элитную должность. У богатого заканчивались активы, а новых он не создал. И их место опять же занимал я – молчаливый, сосредоточенный, бодрый и постоянно развивающийся. В те дни я не давал себе поблажек, и с каждым прошедшим месяцем становилось все меньше тех, кто мог конкурировать со мной на равных. В те дни я четко знал, в чем мое невеликое тогда еще преимущество, и каждый день буквально выворачивал себя наизнанку в попытке укрепить сильные стороны и ликвидировать слабые.

А ведь тот, кто со связями, мог за эти месяцы наладить еще немало полезных отношений, ведь все мы знаем, что рука руку моет, свой своему брат, кум и сват. Харизматичный улыбака мог бы набраться реального делового опыта, тоже наладить контакты… но нет. Все они расслабились, пустили дела на самотек и поплатились за это. Я же себе такого не позволял и потому преуспел.

Преимущество – это козырь. Но как я убедился на примере других, преимущество может превратиться в твою ахиллесову пяту, если начнешь на него полагаться слишком уж сильно, ослабляя другие направления.

Вот и мой новый стальной конь… или скорее бык… это огромное преимущество.

Сидя за рычагами простейшего управления – с базой справится и ребенок после нескольких минут изучения – наслаждаясь ровным теплом, не переживая о возможном пикирующем ударе крылатого червя, откинувшись в удобном водительском кресле, я… злился на себя и на вездеход.

Мне сейчас так хорошо, что это очень нехорошо.

По-другому и не сказать.

Мой настроенный на самое плохое мозг прямо сейчас старательно показывал перед мысленным взором все то страшное, что вскоре со мной обязательно произойдет. Обязательно случится! И я верил этим картинкам. Я считал их своим четко очерченным будущим.

И насмотревшись уже на свое мрачное будущее, я не покинул чертов вездеход и не ушел в пургу, оставив технику за спиной, только по одной причине – будущее, в отличие от прошлого, можно изменить.

Поэтому я, двигаясь с максимально медленной пока скоростью, чтобы привыкнуть к машине, сидел за рычагами и спокойно наблюдал за собственными максимально плохими пророчествами, сулящими мне страшную кончину.

Вот я, отвыкнув от суровых погодных реалий, зато привыкнув к ровному полу вездехода, выхожу, наступаю на трещину и проваливаюсь на глубину метров в десять. Я погибаю от открытых ран и переломов. Или выживаю… может, я без единой царапинки – посчастливилось упасть на пышный сугроб. Вездеход прямо надо мной, но я не в силах выбраться – все снаряжение внутри салона – и, абсолютный целый, но медленно замерзающий, мечусь по дну дышащей морозом трещины, пытаясь выбраться. Вскоре я теряю последние остатки сил и умираю, неотрывно глядя в столь близкое серое небо. Густой снег медленно падает на мое остывающее лицо и уже не тает…

Вот я, привыкнув к ложной безопасности, делаю буквально пару шагов из вездехода, и на меня беззвучной смертоносной тенью падает крылатый червь. Удар… и меня, обмякшего, со сломанной шеей и пробитым черепом, но еще живого, уносят в небо. Последнее, что я вижу – свои болтающиеся отнявшиеся ноги, мотающиеся кисти рук и летящие вниз темные капли моей замерзающей крови.

Вот я открываю задний люк, чтобы не мучиться спрыгиванием и забиранием обратно на высокие траки. И на меня тут же прыгает скрывавшийся в сугробе огромный медведь. Удар страшных когтистых лап… и с развороченной грудью и выпотрошенным животом я заваливаюсь на спину. Медведь нависает надо мной, но я даже не тянусь за рукоятью копья – я уже успел увидеть свои раны и понять, что мне не выжить. Лучше уж пусть побыстрее сожрет… Медвежьи челюсти смыкаются на моем лице и резко дергают голову вверх. Треск плоти… зрение и сознание милосердно тухнут…

Вот я со всеми предосторожностями покидаю сломавшийся вездеход с горящими в кокпите багровыми экранами. Я прекрасно снаряжен, я вооружен и знаю кратчайший путь к Бункеру. Я отправляюсь в путь, тяня за собой нарты с продуктами и самым ценным. Я полон решимости дойти. Но я отвык, я разучился выживать в снежных пустошах… и где-то на третьем, пятом, десятом или пятнадцатом километре пути я погибаю – от того же крылатого червя, падения в трещину или медвежьих клыков.

Раз за разом мой разум проигрывал передо мной невероятно яркие реалистичные короткометражки с плохим для меня финалом.

Раз за разом передо мной всплывали издевательские буквы «Ты расслабился и погиб, Охотник. Тебя съели, ты разбился, ты замерз»…

И раз за разом я уверенно отвечал сам себе – но я не расслабился. И расслабляться не собираюсь.

Да… не собираюсь.

Пусть это выглядит чистой воды безумием, но сегодняшнюю достаточно морозную ночь я проведу не в теплой машине, а в снежной норе неподалеку от нее. А затем я отправлюсь на охоту и добуду молодого медведя. Поев, втащив

куски мяса на крышу машины, я продолжу свой путь. И следующую ночь я опять проведу снаружи, но выйду еще раньше – чтобы для начала заняться долгим внимательным наблюдением за одним очень для меня интересным объектом…

Но это будет потом. Пока же сосредоточусь на делах текущих.

Глядя сквозь бронестекло на едва различимую местность – свет фар я благоразумно выключил – я старательно перебирал в голове все узнанное за последние дни.

За моей спиной битком набитый салон. Я так плотно все уложил от пола до потолка, что палец между предметами добычи, может, и всунешь, а вот теннисный мяч пропихнуть уже не удастся. Понимая, что мощность машины позволяет многое, я не стеснялся в грабеже. И на крышу немалого всякого закинул – включая мебель. Да, я много чего набрал. Но все мои мысли сейчас касались содержимого одной крайне наглядной плоской коробки со стеклянной прозрачной крышкой.

Я бы назвал ее энтомологической коллекцией, не присутствуй в ней скелет знакомой мне звериной формы. Да и прочие аккуратно закрепленные или пришпиленные останки были мне прекрасно знакомы по большей части – за исключением двух экземпляров. Честно говоря, я оторопел, когда впервые увидел это…

Под толстым стеклом, что крепилось на изящных медных шарнирах и было снабжено небольшой задвижкой, находилось несколько существ. Они были расположены тремя горизонтальными рядами различной длины.

Ряд первый. Снежный червь в прекрасной сохранности. Он же в крылатой форме с раскинутыми и пришпиленными крыльями.

Ряд второй. Странный… я бы сказал, кожаный бурдюк с длинным мясистым «горлом» на одном конце, откуда торчали серые щупальцам с багровыми концами. Следом в том же ряду – прекрасное алое насекомое с тремя парами больших плоских крыльев. Я бы назвал ее бабочкой – чем-то похоже, несмотря на более мелкие крылья и при этом более массивное тело.

Ряд третий. Скелет снежного медведя с предельно раздвинутыми его домкратными лапами, непривычными любому землянину.

Имелся и четвертый ряд, но расположенные там гвоздики пустовали, и – судя по отсутствию мусора и аккуратности – то, что там некогда располагалось, было убрано сознательно.

И все бы хорошо… и все бы логично…

Вот только каждый из пришпиленных под стеклом видов был… крохотных размеров. Червь – обычный по размерам крупный дождевой червь, разве что непривычного цвета и вида. Чуть больше его крылатая взрослая форма. Про кожаный бурдюк и «бабочку» ничего не могу сказать, потому как не сталкивался. А вот медведь… медведь был размером с нашего земного суслика. И, судя по всему, им он прежде здесь и являлся – занимал его биологическую нишу.

Я окончательно в этом убедился, когда просмотрел на том диковинном проекторе обнаруженную рядом с коробкой стеклянную «шайбу» – здешний носитель видеоинформации. На короткой и полной чудесных природных звуков записи поочередно демонстрировались эти же виды в живом состоянии. Летняя теплая пора, зеленая трава, высокие деревья, по рыхлой земле довольно быстро – раз в пять быстрее земных аналогов – ползет стайка червей. Вот они добираются до останков поистине здоровенного жука с множеством лап и начинают вгрызаться в него. Вот над травой ловко парит «стрекоза» – крылатый червь, кидающийся стремительно вниз, ударяющий и подхватывающий вялые комки какой-то тугой слизи, которые я бы назвал моллюсками без раковины – чем-то похожи. А вот из темноты кустарника «выстреливают» две лапы, цепко хватая сразу горсть лакомящихся падалью червей. Рывок… и вместе со схваченными червями перемещается и камера. Становится виден мирный жирный сурок, что, лежа на пузе, наслаждается трапезой. Следующий кадр – на мокром от росы или недавнего дождя полосатом желто-зеленом листе покачивается кожаный бурдюк. Перед ним вяло шевелятся концы частично спрятанных в «горле» щупалец, что похожи на розово-красную массу тех самых подобий моллюсков… На лист беззвучной тенью падает крылатый червь и… оказывается в плену щупалец, что медленно, но неотвратимо втягивают его внутрь ходящего ходуном бурдюка.

Вот так…

Чуть повернув голову, я уставился на вздымающуюся к небесам громаду Столпа, чей приглушенный шепот едва слышно шумел в моем мозгу.

– Два варианта, – хрипло произнес я, с трудом выдавливая слова через саднящее от морозного ожога горло. – Либо мы уменьшились до размера насекомых… а ведь я когда-то мечтал пойти по стопам Карика и Вали… либо же ты постарался… Признавайся, здоровяк… это ведь твоих рук дело?

Гигантизм.

Островной гигантизм. Но тут скорее болезненный гигантизм.

– Да, – кивнул я своему отражению в небольшом зеркале. – Да… Вряд ли мы стали меньше. А вот те виды, что почему-то выжили после того, как здесь все промерзло к чертям… эти виды увеличились в размере в сотни раз. Или в тысячи? Была стрекоза – а стала крылатой тварью, что способна утащить взрослого человека в верхотуру…

Решив, что достаточно поупражнял пострадавшее горло, я продолжил дальше уже мысленно.

До появления Столпа… какая местность здесь была?

Такая же снежная? Или что-то вроде средней широты с достаточно теплым летом и в меру холодной зимой?

Висящие над головой искусственные звезды-спутники, что, по моим догадкам, постоянно поддерживают здесь отрицательную температуру, фокусируя всю свою мощь на Столпе… они вполне могли кардинально изменить эту часть планеты, превратив ее в аномальную область. А Столп добавил этой аномальности с лихвой. Ведь именно он вроде как породил здесь когда-то жизнь. Это медузоподобное невероятное существо влияет здесь на все подобно магниту… подобно запущенному на полную мощь реактору, порождая мутации. Попавшие в эту область биологические виды в основном вымерли – по большей части из-за мороза. Но влияющий на все здесь Столп мог добавить живучести некоторым особо восприимчивым видам. Они выжили, чуток изменились внешне и резко выросли. Так ранее безобидные для людей насекомые и обычнейший

плотоядный «суслик» стали главной угрозой для обитающих здесь людей.

Гигантизм…

Но на нас он так не влияет – я опять же про людей.

Потерев лихорадочно лоб, подавив желание нырнуть за записями в сумку, я продолжил размышлять, не забывая глядеть на плывущую навстречу полускрытую туманом и снегопадом местность.

Гигантизм…

Нас он не коснулся. Тут хватает высоких стариков, но их рост во вполне обычных рамках. Никаких гигантов не встречал. Даже среди здесь рожденных людей – тех добрых, улыбчивых и чуток отсталых бедолаг, что помогают разносить похлебку по Центру и Холлу. Они – главный показатель. Вся их жизнь – с зарождения в материнской утробе – протекала здесь. И у них вполне обычный рост, вполне обычное телосложение.

Это что-то говорит?

Да. Это говорит о многом. Факт. Я не ученый, но все же прочел немало «легконаучного» чтива для расширения кругозора и повышения эрудированности. Каюсь, что делал это в первую очередь для того, чтобы среди интеллектуальной части моего круга общения не прослыть туповатым кретином, что думает лишь о деньгах. В наше время немодно быть Шерлоком Холмсом, что предпочитал держать в своей памяти только профессионально полезную информацию. В наше время надо знать обо всем понемногу.

Гигантизм рождается в голове. Верно? Ведь именно расположенный в мозгу гипофиз шлет гормоны роста телу, которое реагирует на эти гормональные приказы, начиная либо чрезмерно расти, либо наоборот – недобирая в размерах и становясь карликом. Так? Не уверен… я могу полагаться лишь на сведения в собственной голове, в интернет за информацией уже не нырнуть. Но при случае расспрошу население Холла и Центра. Но предположим, что все именно так и хотя бы какая-то часть процессов, порождающих подобные изменения, зарождается в мозгу. Хотя вряд ли у насекомых есть гипофиз… или есть? Не знаю… Но… я сейчас думаю не о насекомых и даже не о зверях. Я думаю о

людях – о здешних людях.

Они-то ведь оказались крайне подвержены порождаемым Столпом странным, если не сказать потусторонним возмущениям.

Столп сводил их с ума. Столп воздействовал на их мозг. Воздействовал так сильно, что либо убивал, либо сводил с ума, а порой и брал под свой полный контроль. Это привело к тому, что пленители Столпа предпочли убраться отсюда куда подальше, начав забрасывать в здешние края работяг-сидельцев с других планет.

Но я это уже знал. Мы менее подвержены – но все же подвержены. И тут все индивидуально, хотя без надежного прикрытия из камня и металла Столп все равно доберется до твоего разума.

Какова полученная мной полезная информация? Что из реально важного я узнал?

Чуть подумав, я усмехнулся и осторожно покачал побаливающей головой. Я не узнал ничего важного.

Да, эта информация чуток ошеломляет – мы погибаем от лап и клыков обычных мутировавших насекомых, что раньше ползали под травкой и порхали над цветочками. А самый страшный монстр – огромный снежный медведь – был обычным… странным мелким зверьком. Хотя за первенство в рейтинге самых крутых убийц с ним успешно конкурирует здешний дракон – летающий червь, он же бывшая стрекоза. Но эта информация не дает мне ничего особо полезного. Надо копать дальше. Надеюсь, что собранные мною трофеи помогут открыть хотя бы часть тайн.

А еще меня очень интересовал кожаный горластый бурдюк с мерзкими щупальцами. И бабочка… и пустующий четвертый ряд, где остались красоваться только гвоздики…

Проклятье… объект «Красный Круг», похоже, породил во мне парочку пока крохотных, но активно развивающихся фобий…

* * *

Лежа в снежном укрытии, я ждал третий час. Драгоценное время утекало, обо мне уже наверняка сильно беспокоились в Бункере – пропал Охотник! – а кто-то из самых мрачных уже озвучил версию, что, мол, наверняка добытчика нашего медведь загрыз. Апостол Андрей тоже наверняка места себе не находит, мотается нервно по своему комфортному и считай, что робинзоновскому жилищу. Все эти мысли лениво крутились в моей голове подобно кружащемуся снегу и не оказывали никакого влияния на мои поступки. Я продолжал лежать. Продолжал всматриваться в снежное вздутие в нижней части склона одного из многочисленных холмов, заодно вспоминая, как это было…

Отказавшийся приближаться к стылой земле угнанный нами тюремный крест дрожал всей своей каменной тушей, то и дело задирая самостоятельно тупорылый нос, будто ожил и в страхе пытался вернуться в родные облака. Решение пришло моментально, когда я увидел проплывающую в стороне вершину высокого холма. Предупреждающий крик Шерифу и Красному Арни, доворот тяжелой машины и… удар… В темное небо взметнулись снежные гейзеры, снеся белоснежную вершину, крест загрохотал, металлически застонал животом и, завалившись наконец-то, подобно обреченному киту подпрыгнул последний раз и рухнул, понесшись вниз по склону и собирая перед собой снежную массу….

Да… так мы оказались на этой мрачной земле, покинув не менее мрачные слои воздушной тюрьмы…

Убедившись, что не происходит вообще ничего, я всмотрелся в облака над головой, не вставая, натянул на плечи достаточно легкий рюкзак с защитным козырьком. Выполз из тесной норы и для начала спустился к стоящему между ледяными глыбами вездеходу – чтобы дернуть резервный энергорычаг. Машине остывать нельзя. Пусть кипит красная смазка. Взяв лопату, я буднично, уже не скрываясь, потопал на снегоступах к снежному вздутию. Действуя размеренно и спокойно, вырезал широкие ступени, отбрасывая комки в сторону, чтобы не создавать внизу снежную кашу. Добравшись до верха, осмотрелся, нашел нужное место и принялся копать тоннель, пробиваясь к своей тюремной келье. Буквально ввинтившись внутрь, добравшись до внешнего кирпичного слоя, я невольно замер в легком иррациональном страхе, наблюдая за вырывающимися изо рта облачками пара.

Страшно возвращаться в тюремную камеру…

Снова это безумное и глупое якобы предчувствие – как только окажусь внутри, крест оживет. Тяжелая машина вздрогнет, шевельнется в своей могиле и, пробив ее снежный свод, поднимется в небо, унося меня с собой. С трудом удержавшись от троекратного «тьфу» через левое плечо, я продолжил пробивать себе путь, и вскоре снег передо мной провалился, открывая такую знакомую стылую темноту, что своим злым дыханием обжигала неприкрытые участки лица…

Нанеся еще один удар лопатой и чуть расширив путь, я заклинил ее снаружи, привязал к черенку веревку, закинув второй конец внутрь. Тут можно и без этого, но лучше иметь под рукой путеводную веревку. Поняв, что почему-то опять медлю, зло рыкнул на себя и ногами вперед скользнул внутрь, одновременно зажигая фонарик…

Разбившийся тюремный крест я покинул через полчаса, успев за это время забрать все, что там оставалось, а заодно осмотреть каждый почти родной уголок. Опять иррациональность – я сожалел, что все здесь разбито и приведено в негодность, я жалел, что моя тюремная нора лишилась света и тепла…

Выбравшись, вытянув за собой на веревке добычу, я по ступеням торопливо потащил ее к вездеходу, не забывая поглядывать в небо и по сторонам. Огромного медведя, что втаскивал себя по склону соседнего холма, я увидел сразу – трудно не разглядеть этого гиганта, что был больше похож на выползшего на лед морского обитателя, чем на сухопутное создание. Страшная голова раскачивалась из стороны в сторону, в вечную ночь рвался долгий постанывающий рык – медведь был голоден и выражал свое недовольство. Охотиться на такого гиганта с рогатиной и копьями… я не рискну. Хотя в голове тут же родилась глупая детская фантазия – улыбающийся я вездеходом подтаскиваю к Бункеру огромную медвежью тушу и с непринужденной улыбкой извечного победителя принимаю заслуженные аплодисменты и стакан крепкого сладкого чая.

Заходя в вездеход, я смеялся и качал головой – похоже, живущий в каждом из мужиков хвастливый и охочий до похвал мальчишка не исчезнет до самой смерти. Затащив все внутрь и разместив уже не в загроможденном салоне, а в

кабине за креслами, я покосился на лежащий поверх зеленоватого резинового костюма медный шлем с залитыми изнутри черной кровью оконцами. В кресте остался лежать нагой труп Чертура – того, что навестил меня так невовремя и попытался убить за то, что я не проявлял смирения и продолжал дергать третий рычаг – оружейную гашетку.

У меня было желание вытащить и замороженный труп, но не рубя его на куски такое не проделать – не успев даже подгнить, вволю накатавшись по полу во время аварийной посадки, он замерз в нелепой позе с раскинутыми конечностями. Костюм пришлось срезать, шлем я содрал целиком.

Я уже закрывал дверь в салоне – к стене рядом прислонено короткое копье с перекладиной, а в моей левой руке нож, наружу голову не высовываю – когда заметил еще одно знакомое движение в снежном сумраке. Вглядевшись, убедился, что не ошибся, и, с глубоким вздохом напялив поглубже шапку, сгребя оружие и глянув наверх, шагнул на высокую гусеницу, а затем тяжело спрыгнул в снег. Ни о чем не подозревающий небольшой медведь пугливо обнюхивал глубокий желоб, оставленный его куда более крупным собратом. Моего приближения он не ощутил до самого конца, и лезвие копья глубоко вошло точно в область как раз открывшейся левой подмышки. Вскинувшийся зверь с ревом изрыгнул фонтан едкой белой слизи, я поспешно сделал шаг назад, налегая на короткое древко и расширяя рану. И тут же снова налег на рогатину, вбивая ее поглубже… Зверь рухнул на снег, рефлекторно вбивая до предела удлинившиеся лапы в матерый сугроб, со звоном ломая прикрывающий его ледяной панцирь…

Еще через полчаса вездеход уже катил прочь от места охоты, обогнув кишащую шипастыми снежными червями зону – я и так уже задумывался над тем, что наверняка стальные гусеницы подавили немало этих прячущихся под снежком тварей, напитавшись аммиачным запахом их крови. Кровь червей – лучшая приманка для медведей. Так что лучше не мазать себя этим… мерзким пахучим шоколадом.

Следующий пункт назначения наполнял меня предвкушением… нормальная еда, горячий чай, отдых…

А пока что я медленно жевал длинную и широкую полоску сырого медвежьего мяса, постепенно втягивая волокнистую ленту в себя. Нельзя отвыкать от реалий здешних мест. Нельзя… нельзя…

* * *

– Живой! – уже, наверное, раз в десятый повторил хлопочущий вокруг меня Апостол Андрей. – Живой, мать твою! Живой!

– Живой, – какой уж раз ответил и я, стащив наконец свитер и прислонившись плечом к теплой стене. – Ох…

– Лицо твое…

– Страшное?

– Да уж прелестями телесными душу не греет… в тебя будто снежками ледяными кидали. Давай мыться и греться! А я пока к столу все приготовлю… Живой, чертяка! Живой!

– Живой… – кивнул я, потягиваясь всем своим усталым до последней клеточки телом. – Живой…

– Сначала чай и еда, а потом уже мои жадные расспросы. Каждую мелочь выведаю! Как же я испереживался – ровно баба пугливая. А как не переживать при таком разе?

– Все хорошо, – вздохнул я. – Все хорошо. Ох… надо же тяжести потаскать… на турнике повисеть…

– Спятил?! – В радостном голосе Апостола появились удивленные и злые нотки. – А надорваться не боишься?

– Я чуток совсем, – улыбнулся я, уже топая в «спортивный уголок» и на ходу разминая плечи. – Дело даже не в тренировке, Андрей. Дело в… что-то в голову ничего не идет умного…

– Дело в упертости твоей! Хотя, может, потому ты и Охотник…

– Дело во мне, – согласился я и с вырвавшимся наружу скулящим позевыванием начал приседать. – Дело в моей упертости…. Я мяса свежего притащил кусман!

– Да видел уже… сковороду уже разогреваю. Сейчас ты живо прибежишь на запах жарящегося жирка…

Сглотнув невольно набежавшую голодную слюну, я улыбнулся и продолжил приседать. Сорок семь, сорок восемь, сорок девять…

– А чего так инея на тебе маловато было? – удивился вслух Апостол. – Я сразу не приметил, а теперь вот удивляюсь – чего ты такой не заиндевелый?

– А чего там индеветь, если я, считай, вплотную к тебе на машине подъехал? Салон теплый, в свитерке одном ехал. А как наружу вышел, так там всего-то делов – холм обогнуть и подняться.

– Ну да… Это понятно… СТОП! – На кухонке звякнула сковорода, еще через пару секунд Апостол уже стоял рядом и тряс меня за плечи. – На чем, говоришь, подъехал вплотную?! Салон теплый?!

– Гусеничный вездеход. Рычажный. В общем, все как у тебя, только ездить можно.

– Вот черт! И где он?! Глянуть бы!

– Покажу, – кивнул я и, помрачнев, положил руку на стариковское плечо. – Андрей…

– Ась? – машинально отозвался тот, продолжая изумленно крутить головой.

– Я Ахава Гарпунера убил… – просто сказал я. – Ты уж извини… пришлось…

– Ох… – вырвалось у Андрея, и он начал медленно оседать.

Ухватив его поперек туловища, крякнул – тяжел старик! – потащил к табурету, но он уже ожил, твердо встал на ноги, успокаивающе улыбнулся, выворачиваясь из моей хватки:

– Все хорошо, Охотник. Все хорошо. Да и не Ахав это был уже. Кто-то другой…

– Никто, – качнул я головой, облегченно выдыхая. – Никто другой, Андрей. Там… просто оболочка с дистанционным управлением, как по мне.

– Мудреные слова говоришь… – хмыкнул Апостол и все же уселся, явно не доверяя вдруг ослабшим ногам. – Но я понял. Столп?

– Он самый, – кивнул я и вернулся к приседаниям, с огромным удовольствием напрягая идеально слушающиеся ноги, что полностью восстановились за время отлеживания и возвращения назад в теплом салоне вездехода. – Он управляет ими. И не только Ахавом. Я наткнулся на что-то вроде капитального, но в целом полевого исследовательского центра. Ученые и вооруженная охрана, пункт защищен слоем стали и бетона. Казалось бы, что может пойти не так?

– Но?

– Столп захватил одного из… – ответил я, поднимаясь. – Ох… сто десять… – Выждав несколько секунд, я продолжил приседать и говорить. – Захватил вооруженного охранника. И тот, войдя внутрь, устроил настоящую бойню. Кому-то удалось эвакуироваться, кто-то погиб на месте, еще парочка умирала долго – они заперлись в бронированном боксе и попросту умерли от жажды или холода.

– Ну и страсти ты рассказываешь… и так спокойно, – подивился Апостол, явно разрывающийся как от желания задать больше вопросов, так и от желания сидеть и просто слушать удивительные новости. Вспомнив о сковороде, он вскочил и заторопился к плите. – Тебе жирка побольше поджаристого?

– Побольше, – улыбнулся я.

– А с лицом твоим что?

– О… – я осторожно коснулся продолжающих болеть ран на лице, что уже не были столь воспалены, но выглядели не слишком приятно. – Давай-ка я по порядку с самого начала.

– А давай. И про машину! Про машину расскажи. А потом и покажи…

Рассказывать и показывать я завершил только через два часа. И эти часы были самым теплым, добрым и спокойным временем за все прошлые дни. Уютное логово Апостола казалось чем-то несокрушимым и самым защищенным местом. Чувство ложное, я это понимал, но позволил перенапряженному мозгу ненадолго поверить в эту ложь. И это позволило мне окончательно расслабить каждую мышцу израненного тела. А если посчитать все это вместе с тренировкой, горячем чаем, солидным куском жареного мяса и последовавшим сном на три спокойных долгих часа… можно смело сказать, что я побывал в раю – пусть ненадолго, но побывал.

Когда я проснулся, глубоко задумавшийся Андрей продолжал сидеть за убранным столом, подпирая голову одной рукой, а второй аккуратно вписывая мелкие слова в небольшой листок драгоценной бумаги. Старик уже знал, куда я направлюсь дальше, и неторопливо писал письма. Он ничего не говорил, а я не спрашивал, но все равно было ясно, насколько великой радостью для Апостола служит эта его завязавшаяся переписка с обитателями Бункера.

Еще час я потратил на столь же неспешные вдумчивые сборы, тщательно собирая рюкзак и заполняя нарты. Нагрузившись избранной добычей, остальное я оставил в вездеходе, после чего попрощался ненадолго со стариком и ходко побежал к Бункеру, волоча за собой нарты. Подкатывать на гусеничной машине я не собирался. За такое ценное имущество убивают без малейших раздумий и сожалений. Центр не упустит своего шанса заполучить средство передвижения – и я их даже не осуждал. В подобном месте… выживают, а не живут. Когда будущее столь же серо и туманно, как и настоящее, поневоле отбросишь этические кодексы и вооружишься древним правилом наших далеких предков – ешь или будешь съеденным.

Глава третья

Первое, что я услышал, войдя в Холл, так это дружное и почти что ревущее:

– ЖИВО-О-О-ОЙ!

Я невольно вздрогнул, закрутил в недоумении головой и только через пару секунд понял, что обращались именно ко мне. Затем пришлось мысленно шикнуть на себя, чтобы инстинктивно не попятиться от торопящихся ко мне десятков стариков. Женщины, мужчины, седые, согбенные, семенящие и хромающие, закутанные в обноски, все как один радостные, тянущие ко мне руки. А вон знакомая старушка торопливо черпает кипяток из котла, во второй руке дрожит фарфоровый чайничек с цветами – великая здесь редкость и ценность. Она торопится заварить для меня чай – в особой отдельной посудине. А вон и у котлов с бульоном растерянно замер старик-повар – явно нечем ему меня угостить, или просто еще не сварился мясной суп.

– Здравствуйте вам, люди добрые, – широко улыбнулся я, вдыхая воздух Бункера полной грудью. – Здравствуйте.

В следующий миг меня накрыла людская волна. Меня затрясли, затеребили за одежду, вцепились в руки и плечи.

– Живой!

– Живой!

– Охотник наш вернулся!

– Слава Богу!

– Как же мы молились! Дни и ночи напролет!

– Сподобил Господь! Вернул нам кормильца!

Я попытался выдохнуть… и не смог… замер, вглядываясь в эти невероятные лица, на которых глубоко отпечатались все тяготы их долгих и – чего уж греха таить – безрадостных жизней. Они не замечали, но они плакали – как старики, так и старухи, эти закаленные морозом и вечным страхом внезапной смерти суровые люди, что жили в вонючем предбаннике Бункера. Они, черствые, привыкшие ко всему, не ждущие от жизни никаких подарков, никого не привечающие… они плакали. У меня в груди будто лопнуло что-то, и лишь огромным усилием воли я не начал вдруг бормотать что-то глупое и ненужное.

От меня сейчас не ждали слов. Вообще ничего от меня не ждали – они просто были рады моему возвращению. Пусть кормилец и с пустыми руками – но вернулся.

Хотя почему с пустыми?

Выждав пару минут, я прокашлялся погромче и, деликатно раздвинув образовавшееся вокруг меня плотное живое кольцо, нагнулся над нартами, дернул за пару веревок и сбросил на пол тушку медвежонка – килограмм шестьдесят, не больше. Хотя этот дополнительный вес мне удалось допереть на нартах уже с трудом – сказывались боль и усталость в перегруженных тренировкой ногах. Но я не мясо хотел показать. Нет. Наклоняясь и выпрямляясь, я коротко и без всякого пафоса демонстрировал доставаемые предметы, тут же передавая их окружившим меня «буграм». Говорить я старался строго по делу, чтобы поскорее убрать обуявшее меня теплое радостное смущение.

– Скамья металлическая, но не сталь, что-то полегче. Прочная. Складные ножки. Вот три штуки такие. Большие, а почти ничего не весят!

Скамейки тут же проплыли над головами и исчезли за спинами, послышались щелчки раскрываемых и встающих на место ножек. Скамейки эти я отыскал в гараже – они явно предназначались для удобства полевых исследователей, судя по еще нескольким находкам.

– Два стола раскладных. По весу чуть больше скамеек.

Столы со странными вмятинами в крышках – вроде как под ноут, если мерить нашими мерками – уплыли туда же.

– Икебаны, – широко улыбнулся, зная, как это порадует стариков. – Три штуки. Любуйтесь на здоровье. Пусть замороженный, но вроде как садик.

– Радость-то какая!

– Цветов радужных в жизни нашей серой прибыло!

– Михайловна! Михайловна! Погоди ты умирать, сползай с кровати – глянь на цветы морозные! Такие красивые! Глянь иди! Хватит кашлять! Хоть одним глазком да глянь перед смертью, сердешная моя…

– Может и отступит смертушка-то! – подхватил кто-то из стариков тоненьким надтреснутым голоском.

– Посуда разная, – продолжал я. – Удобная и практичная.

Передав кружки, тарелки и ложки, не забыл и про то, что сам я нарек бы огромными хрустальными пепельницами ну или конфетницами. Хотя странные овальные посудины со слишком низкими бортами могли служить чем угодно для неизвестных нам хозяев этого мира – может, даже плевательницами. Мы найдем им свое применение.

– Звезды, круги, кометы, ромбы и прочее непонятное, – развел я руками после того, как вручил протолкавшемуся монастырскому настоятелю Тихону еще одну «конфетницу», доверху засыпанную будто из листа тонкой стали вырезанными различными фигурками.

– И что же это такое удивительное ниспослали нам? – удивленно моргнул он.

– А вот, – засмеялся я, касаясь указательным пальцем лежащей сверху звездочки.

Та тут же зажглась ровным зеленым светом – причем довольно ярким.

– Да откуда же все это? – запоздало охнул кто-то позади, но на него тут же шикнули:

– Тебе какое дело, дурак старый? Иди да поищи в пургу! Может, и ты найдешь!

– Да я так… к слову… от удивления обуявшего…

– Обуявшего… излишне любопытный ты, Толик!

– Это украшения, – повторил я, не став пояснять, что обнаружил эти штуковины, заткнутыми там и сям в жилых и спальных помещениях.

Какими бы злобными или прагматичными ни были хозяева планеты, им все же хотелось иллюзии света и тепла внутри их исследовательского бункера, что был больше похож на казарму. Я насобирал таких штукенций больше пятидесяти штук. Из них пяток оставил себе – на всякий. Еще пять досталось обрадовавшемуся, как ребенок, Апостолу. Остальные вот ушли – и уже по одной штучке поплыли по дрожащим рукам.

– Мне! Мне не досталось! – в голос заплакала закутанная старушка, опускаясь на пол.

И столько горя было в ее лице, что я торопливо расстегнул меховую куртку, порылся в кармане и вложил в ее ладонь пару засветившихся фигурок. Вслух же, раздавая наугад последние три, погромче произнес:

– Принесу и еще! А те, кому досталось – не жадничайте, показывайте и другим!

Но сразу было ясно – будут жадничать. Вон как прячут поспешно по карманам. И я не могу их винить – такова уж здешняя жизнь, что только-только начала меняться к лучшему.

Чтобы разрядить обстановку – очень уж сильным было огорчение на лицах тех, кому не досталось – я поспешно принялся вытаскивать и отдавать остальное. Еще одна «икебана», причем большая, занявшая немало драгоценного места в нартах. Ворох безразмерных запашных… халатов… ну или кимоно… не знаю… слишком уж странный у них был крой. Но халаты теплые, длинные, разноцветные – найдены мной целым ворохом в одном из контейнеров, что были в гараже. Похоже, привезли на радость исследователям разноцветную одежку, но распаковать не успели – случилась бойня и эвакуация. Дальше пошли тапочки, носки, шарфы, варежки и даже мужское нижнее белье. Мне было жалко пихать в нарты этот ширпотреб, но… вот сейчас я ничуть не жалел о своем решение – радость жителей Холла того стоила. Хотя пока они ничего не получили – уже оценившие ситуацию после того, как кому-то не досталось «звездочек», и успевшие даже разнять пару неумелых драк, «бугры» поспешно забрали всю одежду, выложили на стол и начали орать, чтобы никто даже близко не подходил – будет вам розыгрыш!

Если точнее, Федорович сказал следующее: «Будет вещевая лотерея, так вас перетак, чертово вы жадное старичье!». А потом добавил, что если кому не то, что хотелось выпадет – его проблемы. Пусть выменивает желаемое, и вообще – даренному коню под хвост не смотрят.

Пяток толстых теплых жилетов с множеством карманов я тоже отдал Федоровичу, успев один отделить и передать его Тихону. Тут уже я действовал, конечно, чуток эгоистично, желая выделить из общей массы тех, кто помогает мне и волочет на себе дела Холла.

– И мясо, – добавил я, указав на тушку медвежонка. – Метка живая…

– Метка? – удивился Федорович, успевший облачиться в жилет и проверяющий карманы.

– Ковырял кости чьи-то жеваные, – вздохнул я. – Старые уже. Так добыл не только мясо, но еще и пару пачек сигарет. Родопи и Ту-134. Не знаю, какие из них хорошие…

– И те, и те хорошие! – заявил старик, забирая пачки. – Буду выдавать отличившимся поштучно. Ну и сам закурю от переизбытка нервного…

– И я, пожалуй, – хмыкнул я, вспоминая залитые слезами стариковские глаза. – И я…

– Сигаретка, горячий чай и стол в дальнем уголку, – Старушка с подносом подошла незаметно, неся на нем полный стакан, и показала налепленную на запястье светящуюся звезду. – Хороша обнова моя? Красная!

– Она ведь от нашей силы горит, – напомнил я, постучав себя пальцем по груди.

– Коли рычаг крестовый старуху не убил, – отмахнулась она и пошла обратно к котлу, – пусть горит звездочка красная. Пусть скуку и тоску разгоняет стариковскую. С возвращением, Охотник. Спасибо, что живой.

– К-хм… вам спасибо, – отозвался я, накидывая край шкуры на оставшееся в нартах добро и берясь за ремни. – Посидим в уголке?

– Посидим, – с готовностью согласились старики.

Тихон не удержался, глянул искоса на нарты.

– Там куски оборудования, – не стал я скрывать. – Для торговли с центровыми нашими. Как они придут – вы уже не обижайтесь…

– Отойдем, – понятливо кивнул Тихон, тоже красующийся в жилете. – Отойдем и мешать не будем. И мне бы сигаретку. Родопи…

– Он еще и выбирает, – проворчал Федорович. – Грешно разборчивым быть, отче!

– Грешник я, – вздохнул настоятель, с благодарностью принимая сигаретку. – Грешен…

– А потом потолковать бы мне с путешественниками нашими. Теми, кто перебраться хочет…

– Луковые? Позовем.

– Вы их так зовете?

– Ну да. Луковые или луковцы.

– Луковианцы же вроде.

– Вот еще мы язык не ломали. Луковые! Позовем их, как скажешь. Ты нам-то хоть расскажешь, откуда богатство такое? Аль секрет великий?

– Кое-что расскажу, – кивнул я, доставая из другого кармана пачку писем. – Почта прибыла.

– Вот это дело! – обрадовался Тихон, забирая пачку и торопливо перебирая сложенные листки. – Где тут мое письмишко? Обсуждали мы одну занятную шахматную партейку…

* * *

Рассказал я мало. Знал, что рано или поздно все сказанное мной разойдется по всему Бункеру, поэтому заранее продумал каждое слово, а затем обдумал его еще раз – прежде чем поделиться со здешней скучающей общественностью.

Мне не жаль было рассказать об окружающих нас скрытых и заброшенных «чужих» объектах. Да я даже был уверен, что о многих из них знают здешние весовые старожилы. Не может быть, чтобы я первым наткнулся на подобные места. Поэтому речь не о скрытии информации о «Красном Круге» и ему подобных сооружениях, разбросанных меж снежных холмов. Речь о том, чтобы не выдать свои собственные замыслы.

Я по-прежнему хотел оставаться Охотником – крепким мужиком среднего возраста, что старательно добывает мясо, неспешно изучает здешнюю жизнь, пьет мало, говорит мало, в политику и общественные дела особо не лезет. И уж точно я не хотел выдать свои намерения разобраться во всех хитросплетениях сложившейся здесь в буквальном смысле слова патовой ситуации со Столпом.

Короче говоря – я хотел всем дать понять, что случайно наткнулся на заброшенный исследовательский центр. Как это было с Андреем Апостолом. Эту легенду я и озвучил, нагло присвоив себе историю о преследовании раненого медведя, что и вывел меня к холму, в чьей вершине вдруг блеснуло темное стекло…

История получилась занятная, я добавил немало ярких подробностей, чтобы получилась настоящая эпопея с преследованием, где жертва хочет уйти любой ценой, а впавший в азарт преследователь забыл о расстоянии и опасности. И история старикам-слушателям зашла настолько, что потом они, прихватив с собой еще один поразительный «сувенир», разбрелись по огромному залу Холла, где их тут же окружили группки жадных до новостей холловцев.

Переданным им «сувениром» был тот самый плоский ящичек с прозрачной крышкой и пришпиленными мелкими созданиями, что мутировали в здешних кровожадных чудовищ. Я не видел причины скрывать эту информацию. Тем более что среди здешних стариков могут оказаться люди с соответствующим академическим образованием, которые смогут выдвинуть несколько интересных теорий.

Моя находка заставляла серьезно задуматься.

Ясно, что это что-то вроде мутации. Звери изменились не только в размерах – преобразились пасти, глаза, кожный и волосяной покров, они приспособились к здешним суровым погодным условиям, научились жить в глубоком снегу и находить в нем добычу.

И отсюда вопрос – мутация пассивно-естественная? Или это осознанно направленное извне воздействие?

Я не спец, но размышлял так – в зонах наших техногенных катастроф, где происходила утечка жесткой радиации, впоследствии рождалось много мутантов – рыбы, амфибии, млекопитающие. Но там больше нежизнеспособного уродства, чем реальных и тем более полезных мутаций. И там все эти мутационные изменения происходили сами собой, так сказать.

А вот здесь как? Это просто пассивное влияние Столпа? Или же сам Столп все же попытался создать себе что-то вроде… армии? Марионеток?

Я склонялся ко второй версии – Столп сотворил все со здешней фауной специально. Медузоподобный исполин пытался что-то создать намеренно. Эту свою версию я озвучил только Андрею Апостолу, но тот беззлобно рассмеялся и парировал:

– Глупости это! Само собой случилось все. А если и специально страшила наш ледяной что и мудрил… где толк от его начинаний, Охотник? Вот скажи мне – где толк?

– Толк? – переспросил я.

– Он самый. С каждого дела польза должна быть. Ну увеличил он вот здешних червей дождевых и сусликов пугливых. Обратил их в тварей страшенных. И каков результат сей инициативы похвальной? – как любил говаривать мой старый начальник. Черви ползают, медведи тоже ползают, стрекозы кровожадные летают. Все? Вот и весь толк?

– Мы живы, – ответил я и улыбнулся, когда на меня уставился крайне озадаченный Апостол.

Пожевав губами, старательно наморщив лоб, он несколько минут сверлил взглядом содержимое лежащего перед ним плоского ящика с «исходным материалом» для мутаций и, разведя руками, наконец, признался:

– Вот не понял я. Мы живы? Это сидельцы которые?

– Верно.

– Да эти твари нас жрут! Знаешь же эти истории мерзкие, Охотник! Отбыл ты чудом весь сорокалетний срок и очутился вдруг в снежной пустоши со всем нажитым добром – если умен был и копить умеешь – и тут раз! И ты в пасти вылезшего из сугроба медведя! Вот и кончилась пенсия! И неудивительно – Столп отплачивает нам за то, что мы жалим его выстрелами из тюремных крестов!

– Нет, – качнул я головой. – Я не согласен. Это не месть.

– Может, он нас так благодарит? – язвительно поинтересовался Апостол и плеснул себе еще немного драгоценной водки.

– Столп нам не благодарен, – опять возразил я.

– Да не томи ты уже старика! Что надумал, пока сюда неспешно добирался?

– Не будь здесь медведей – мы бы все сдохли с голода, – ответил я. – Это наша пищевая база. Медвежье мясо – основа основ. Причем здесь реально замкнутая пищевая цепочка, Андрей. Черви жрут все подряд, включая снежную траву – в самые хреновые, наверное, времена. Медведи жрут червей и неплохо набирают вес на этой биомассе. Мы охотимся на медведей. И получаем жирное калорийное мясо в избытке. Добавь к этому медвежьи теплые шкуры, кости для изготовления рогатин и копий. Еще добавь к мясу побольше травы как салата – и кое-как можно жить.

Полюбовавшись отвисшей челюстью Апостола, я хмыкнул и пожал плечами:

– Это логично.

– Да зачем бы ему нас кормить?!

– Ахав, – коротко ответил я, и Апостол поперхнулся выпитой водкой, закашлявшись и накрыв стол брызгами.

Вскочив, я пару раз хлопнул его по спине – несильно – и снова уселся. Пока Андрей сипло откашливался, я продолжил говорить – больше с самим собой, чем с ним:

– Уже ясно, что Столп не может поработить наше сознание вот так разом по щелчку пальцев. На это требуется время.

– Шепот, – тихо произнес старик.

– Шепот Столпа, – кивнул я. – Да. Он шепчет и шепчет. Каждый из нас годами слышит этот шепот. Но в тюремных крестах мы неплохо защищены от его воздействия. Стальные решетки и двойной слой кирпичей блокируют этот ментальный шум. Те, чья психика похлипше, порой сходят с ума. Другие – вроде тебя – привыкают и не реагируют уже.

– Да и ты держишься.

– Держусь, – согласился я. – Потихоньку привыкаю, хотя порой вздрагиваю при пробуждении.

– Ахав, – старик тоскливо вздохнул.

– Ахав Гарпунер. Он поддался влиянию Столпа и ушел. Поддался не сразу – вот ключевой момент, Андрей. Сколько он пробыл здесь?

– Долго.

– Именно. Но под конец его разум все же дал сбой и позволил себя «утянуть». Ахав куда-то ушел и там… превратился в голый кошмар с энергетическим пульсаром в груди… Кошмар, что способен убивать на расстоянии разрядами

электричества и им же способен напитывать снежных червей, что взмывают в небо и сбивают тюремные кресты.

– Так Столп заботится о нас или убивает?

– Столп ненавидит нас. Но я думаю, что мы нужны ему, – улыбнулся я. – Нужны, чтобы превращаться в монстров, подобных Ахаву Гарпунеру. Вот только не с каждым из отбывших срок сидельцев ему так везет. А если и повезет – все равно надо немалое время на «мариновку» мозгов, чтобы очередной старик наконец-то пошел на его зов. То есть мы прямо сейчас подвергаемся массированному психическому воздействию. Мы с тобой тут сидим, водочку пьем, сигаретки курим, беседуем, а наши мозги прямо сейчас держат оборону против шепота Столпа. Гораздо легче тем, кто забился в места, похожие на Бункер – надежное защищенное экранированное убежище. Там они могут спокойно жить до самой тихой смерти, чтобы потом упокоиться на кладбище. Думаю, этот вариант Столп не учел – что изворотливые людишки построят себе защищенные убежища. В любом случае его упор на таких, как ты и я – тех, кто часто выходит наружу, тех, кто бродит по здешним землям.

– И пока он промывает нам мозги колючим снежком…

– Нас надо чем-то кормить. И не обязательно кормить с ложечки – достаточно выпустить в снега медлительных снежных медведей. И мы сами найдем способ завалить зверя. Так было всегда. Испокон веков. Наши предки охотились на мамонтов и носорогов, вооруженные примитивным по нашим сегодняшним меркам оружием. Но мы полностью истребили этих огромных животных. Так что охота на крупных медлительных зверей заложена в нашем коде ДНК.

– Голова сейчас лопнет… что ж за ересь ты такую несешь, Охотник?

– Такая вот гипотеза родилась… пока непроверенная, но я поищу доказательства. Или опровержения.

– Погоди! – Апостол вскинулся, победно взглянул на меня. – Ахав убивал людей!

– Да, – спокойно согласился я.

– Стало быть, он просто обезумевший монстр!

– Нет, – столь же спокойно возразил я. – Его действия вписываются в мою гипотезу.

– Ты вот с умными словами завязывай! Ты мне ответь – Ахав людей убивал?

– Постоянно.

– И тех, кто только срок свой отбыл и по снежку в убежище торопился – тех тоже убивал?

– Да.

– Вот ты и неправ выходишь!

– Нет, – улыбнулся я.

– Тьфу! – разозлился Андрей, поспешно нащупывая мятую пачку сигарет. – Тьфу на тебя! Как нет-то?! Убивал ведь!

– Убивал, – опять кивнул я и поспешно продолжил, чтобы окончательно не вывести старика из себя: – Столп знает нас всех как облупленных, Андрей. Я не о привычках наших сейчас говорю. Он… пойми… мы недооцениваем это… создание. Он начинает исследовать наши разумы сразу же, как только мы оказываемся внутри еще не активированного стылого тюремного креста. Понимаешь? Вот ты сюда попал – и сразу услышал его тихий шепот, что отныне никуда не денется из твоей головы. Ментальный щуп, ментальное воздействие. Столп… он пробует наши мозги на вкус. Оценивает их. И быстро понимает, какой разум поддастся его влиянию, какой может быть поддастся, а какой обладает особо сильной врожденной устойчивостью. Столп каждому из нас ставит свою метку. Вешает видимый только ему ярлык. Он есть у тебя. Есть у меня. Есть у каждого. И этот ярлык видят такие, как Ахав…

– Господи… хочешь сказать, что…

– Да. Когда очередной сиделец попадает сюда, если он встретится с Ахавом, то все может пойти по нескольким сценариям.

– Убьет или пощадит и пройдет мимо? – Андрей жадно подался вперед, его глаза блестели совсем по-молодому, в крепкой руке зажата опустевшая стопка.

– Убьет или заберет с собой, – качнул я головой. – Думаю, основное… рабочее занятие Ахава Гарпунера было в том, чтобы патрулировать свой сектор территории вокруг Столпа. Как только он натыкался на очередного сидельца, то сразу определял его ценность для Столпа. Если ценность нулевая – сиделец погибал. Если ценность имелась – он парализовал его ударом того же тока и уносил с собой.

– Да что ж ты такое говоришь…

– Всегда должен быть смысл, – пожал я плечами. – Иногда он скрыт и его приходится искать. Про Ахава известно очень мало – и про подобных ему. Если бы они проходили мимо, не трогая бесполезных сидельцев – о них бы знал каждый. Так что есть лишь два варианта – смерть или же похищение.

– Твою мать…. Погоди! Погоди! Но зачем убивать? Месть? Он мстит за то, что мы жалили его?

– Может быть, – вздохнул я. – Но тут должна быть и прагматичность, Андрей. На кой черт ему увеличивать в разбросанных здесь убежищах поголовье бесполезных для его целей людей? Ведь каждый из них требует пропитания – а это может однажды привести к истощению пищевой базы. Выбьют всех медведей… и что тогда жрать? А так Ахав убил бесполезного старика и превратил его в корм для медведей и червей…

– Тьфу… мерзость какая…

– Жизнь. Это просто жизнь как есть.

– Ты все равно погоди! Нас же тысячи здесь! И Столп знает каждого?

– Наверняка, – кивнул я. – Наверняка знает. Ярлык повешен на каждого, Андрей. Такова моя версия.

– Так… так… но вот я… я же живу один, Ахав это место знает, может, порой и видел меня, когда я на охоту выходил. Верно?

– Верно.

– И он не тронул меня. Так что получается? Мой ярлык… Столп еще может мои мозги однажды… домариновать до мягкости послушной? И побреду я туда же, куда и Ахав в свое время?

– Возможно, – кивнул я. – Или же в ледяном разуме Ахава Гарпунера еще оставались воспоминания о друге Андрее. И он не тронул тебя.

Шумно выдохнув, Андрей неверной рукой плеснул себе еще немного водки, молча поднял стопку и, чуть подержав ее, так же молча выпил.

Вот и помянули – уже в третий раз, но в этот раз с особым чувством.

– А раз он пытался убить тебя…

– Я, выходит, Столпу бесполезен, – улыбнулся я и упреждающе добавил: – Это пока просто моя версия, Андрей.

– Но может же быть, что ты… это…

– Надумываю и выдумываю? Да. Вполне может быть. Я опираюсь только на предположения без доказательств. Но я знаю, что своим силами Столп освободиться не может – вернее, я принял это как основу. Ведь он пленен уже столетия. И пока никуда не делся. И раз так – ему нужна помощь, ему нужны те, кто обладают мобильностью и силой. Те, кто полностью ему послушны. Ему нужны солдаты. Армия. И раз так – их надо откуда-то набирать. Есть лишь один вариант, Андрей.

– Мы…

– Мы, – кивнул я. – Человеческое мясо, заброшенное сюда хозяевами этой планеты. И луковианское мясо… а может, и еще кто есть. Так что плененный исполин может рассчитывать только на других пленников этого стылого места.

– Так их много? Таких, как Ахав?

– Понятия не имею. Но я боюсь, Андрей. Я очень боюсь того, что однажды, пусть даже небольшая группа подобных Ахаву чудовищ с энергетическими пульсарами в груди явится ко входу в Бункер и устроит там ад. Те, кто забился в различные глубокие убежища и недосягаем для воздействия Столпа, должно быть, сильно его раздражают. Будь я на его месте – я бы выжег эти убежища. Для чего? Чтобы не было подобных защищенных мест. Чтобы освободившиеся сидельцы жили в чумах, ярангах или иглу – где ничто не блокирует его зовущий страшный шепот. В местах, которые легко отыскать. Откуда легко забрать. На месте Столпа я бы, может, даже позволил нескольким таким вот поселениям существовать, чтобы по здешнему мирку разошлась информация об их координатах – тогда проще спрогнозировать, куда направится освобожденный сиделец, чтобы вовремя перехватить его. Ведь Ахав бродил не просто так, Андрей. Он бродил здесь не из чувства ностальгии. Просто здесь неподалеку Бункер. И Столп знает это. Он знает, что сюда ведут дорожки многих стариков. И потому послал за ними своего страшного вестника. Кто-то проскочил через эту гребенку, кто-то попал в лапы Ахава Гарпунера или того, кто здесь был до него. Как-то так…

– Знаешь… если все на самом деле так… то вот же подлая он тварь, а!

– Ну… – я задумчиво провел ладонью по волосам. – Не знаю, Андрей. Я его осуждать не могу.

– Как это?! Убивает нас!

– Он пленник, – напомнил я. – И пытается сделать все, чтобы вырваться из этого плена. Ему сгодится любой способ. Прямо сейчас он воздействует на разумы множества сидельцев, одновременно напряженно оценивая свои шансы вырваться с текущим количеством накопленных… солдат…

– Хочешь сказать, что где-то вон там… ближе к Столпу… есть что-то вроде стылой расщелины, где прячутся такие, как Ахав, и ждут своего часа?

– Да, – кивнул я. – Думаю. А еще я думаю, что пока Столп… боится показать свою армию, потому что она не слишком велика. Он предпочитает скрывать своих солдат и терпеливо увеличивает их число. – Увидев мрачное лицо Андрея, я тихо рассмеялся. – Да ладно тебе. Это просто теория, Андрей. Просто теория. Она ничем не подтверждена. Поэтому я и собираюсь в очередное путешествие.

– В соседнее убежище?

– Да, – кивнул я. – Информация. Где-то она накапливается, где-то распространяется. Но в этом мире плоховато с коммуникациями. Так что придется мне самому скататься в гости и там задать несколько вопросов. Заодно почту отвезу, налажу, так сказать, деловые и торговые отношения… Соберу как можно больше сведений – и будет что обдумывать. Не найду ответов – отправлюсь дальше. Составлю заодно карту здешнего мирка. Продолжу расспрашивать… такие вот у меня пока планы.

– Так может, мне с тобой податься?

– Ну нет, – покачал я головой. – Не ломай мои планы великие.

– Насчет меня?

– Ага. Мне нужен начальник тайного склада, – улыбнулся я. – Не могу же я возить с собой весь запас запчастей, смазки и той добычи, что пока хочу придержать. Когда вернусь из Бункера, планировал создать у тебя под боком глубокий склад…

– Понял тебя, – перебил меня старик. – Сделаем! А я уж прослежу, чтобы склад оставался тайным…

– Вот и договорились, – обрадовался я. – Вот и сладили…

– Так получается, Столп просто ждет своего часа, чтобы нанести удар? Такова твоя… теория?

– А вот это не теория, Андрей, а факт. Не знаю насчет ледяных солдат и их количества, не знаю насчет планов Столпа, но какой сиделец не хочет вырваться

на свободу?

– Да уж… с этим точно не поспорить…

* * *

Едва я закончил перебирать в голове события недавнего прошлого и вспоминать планируемое, едва я закурил очередную хорошо размятую сигарету и выпустил струю пахучего дыма в сторону своей «небесной хижины», как послышалось знакомое и веселое:

– Привет, Охотник! С возвращением!

Опустив лицо, я сквозь дым улыбнулся красивой безногой девушке, что шустро катила ко мне на своем кресле.

– Привет, Милена.

– Рада, что ты цел. Да все рады – весь Центр и Замок. Хотя ты нас даже не почтил визитом, так сказать…

– Я еще даже не разделся толком, – легко парировал я хитрый упрек и кивнул в сторону нагруженных нарт: – И даже добычу не разгрузил.

– Мясо и дрова? Это нужное…

– Оборудование иноземное, – перебил я ее, и глаза Милены тут же зажглись нескрываемым интересом.

Следующий ее вопрос был ожидаем:

– А… можно ли…

– Глянуть? Глянуть можно, – улыбнулся я. – Даже потрогать можно. А вот насчет что-то забрать… где там, говоришь, мой дробовик?

– Черт… – развернув кресло, Милена толкнулась к нартам. Меня она, похоже, даже не услышала. – Черт…

Скажи я ей сейчас что-то вроде «Эй, не трогай, пока не разрешил», она бы меня даже не услышала. Но я и не собирался ничего говорить. На мой взгляд, в нартах не было ничего особо ценного – выбирая то, что привезу в этот раз в Бункер, я действовал интуитивно. Металлические блоки шестеренок, несколько кусков консолей вместе с рычажками и кнопками, два небольших экрана, длинные пуки проводов в диковинной – вроде как бумажной – изоляции с похожей на лаковую пропиткой. Еще там были странные длинные лампы, что чем-то напоминали те, что раньше стояли в старых советских телевизорах. Я боялся их не довезти, поэтому не пожалел тряпок и шкур для укутывания. Все это безногая девчонка, слезшая с кресла и почти упавшая на мои нарты, стащила, развязала и раскутала с удивительной быстротой.

Прихлебывая чай, делая неспешные затяжки табачной сладкой гадостью, я наблюдал, не скрывая своего интереса. Я мысленно отмечал каждый предмет, что побывал в ее руках. Если по моей гипотезе Столп вешал свои «оценочные ярлыки» каждому из попавших в его зону влияния разумных существ – можно ли луковианцев назвать людьми? – то я вешал свои собственные ярлыки на каждый из доставленных и рассматриваемых сейчас Миленой трофеев. Я имел сейчас лишь крайне смутное размытое понятие о предназначении этого оборудования, но это и не играло роли. Мне была интересна ценность трофеев для жителей Замка. Вот что важно. Вот что сыграет свою роль в будущих торговых переговорах. Поэтому наблюдал я внимательно.

Как долго держала в руках?

Вертела? Сразу отложила? Отложила почему? Потому что штука малоценная или же не хочет заострять на особо ценном предмете мое внимание?

Заодно я узнал, что некоторые шестереночные блоки после небольших манипуляций раскладываются как книги, показывая все свои внутренности. И опять я увидел ожидаемое, хотя и странное – на шестеренках, в пазах и за винтами, имелись следы только начавшей оттаивать красной смазки. А вот чего я не ожидал, так этого того, что Милена нацепит на указательный палец левой руки что-то вроде наперстка и им с большим умением будет остатки красной смазки собирать и тут же тем же «вытирающим» движением о край помещать их в крохотную стеклянную баночку.

Красная смазка ценна.

Очень ценна.

Это абсолютная информация.

Красная смазка настолько ценная, что Милена собирает каждый ее оставшийся меж шестеренок грамм.

Этого я не забуду. Я и сам уже понял, что в здешних технологических реалиях правило «не смажешь – не поедешь» работает даже не на сто, а на все двести процентов. Уверен, что эта красная жидкость присутствует и внутри разбившихся тюремных крестов. Просто она либо остается между кирпичных стенок обшивки, либо же еще горячей утекает на… куда? Да… на стылую землю, где быстро превращается в красный лед. Впитаться в промерзшую землю смазка точно не сможет.

Так… вот и новая внезапная догадка.

Если из таинственного Замка, бункера в бункере, имеется еще один выход наружу, и они устраивают пусть даже изредка экспедиции, то я знаю одну из их приоритетных целей в добыче.

Вслух я не сказал ничего. Зачем?

Я продолжил наблюдать и за следующие полчаса без всяких вопросов узнал куда больше, чем если бы спрашивал что-то и выпытывал. Человеческое лицо всегда что-то говорит тому, кто умеет замечать мелкие детали. Даже непроницаемое бесстрастное лицо скажет многое – на кой черт лепить каменную маску при виде дешевого металлолома? Значит, есть что-то ценное. А когда Милена повернулась ко мне, небрежно накинув на нарты край шкуры, лицо у нее было именно такое – усталое, чуть разочарованное, но в целом без особых эмоций.

– Похлебки? – предложил я.

– Да, – вдруг кивнула она, с легкостью возвращая себя в кресло-каталку. – Немного похлебки, чаю и… сигареткой угости.

– Угощу, – улыбнулся я, отодвигая от стола лишний сейчас стул.

Подъехав к столу, облокотившись об него, она принялась тщательно оттирать пальцы тряпкой, вытащенной из подвешенной к подлокотнику кресла сумки. Затем протерла сами обода и призналась:

– Всюду тащу за собой металлические опилки, пыль и прочую грязь. Ног нету, но повсюду оставляю грязные следы… Смешно, да?

– Ты очень целеустремленная и организованная, – произнес я, протягивая ей сигарету.

– Что-то не уловила…

– Не ищи подоплеки, – ответил я, открывая зажигалку. – Просто наблюдение, что подтвердило то, что я и так знал. Ты очень организованный человек. Ты из тех, кто любое горе уничтожает до предела продуманными и даже идеализированными делами – как важными, так и рутинными.

– Вот как… а бывают идеализированные действия по влажной уборке, например?

– Бывают.

– Тогда я гений уборки…

– И заодно неплохой технарь, что продолжает совершенствовать свои навыки.

– Ты даже не засыпал, а залил меня сладкими комплиментами, Охотник. Ты чего такого хочешь? – Глубоко затянувшись, она, как и я совсем недавно, выпустила струю дыма вверх.

– Просто наблюдения, – улыбнулся я. – Ты шлифуешь навыки технические, а я наблюдательные. Ну как прошел осмотр?

– Можно спросить…

– Где я все это взял и есть ли еще?

– Вот видишь, какой ты умный…

– Ответ очевиден. Я наткнулся на нечто… – задумчиво покачав головой, будто в попытке подобрать правильное слово, я продолжил: – Нечто странное… что-то вроде наблюдательного пункта. Пара комнатушек, немного оборудования, чуток мебели. Все покинуто, оттуда забрали все, что можно было унести. И судя по следам, покидали то место в дикой спешке. Признаюсь честно – мне там было жутковато. Первые пару часов казалось, что из выпотрошенных стен кто-то бросится.

– Выпотрошенных? – Милена не сдержала разочарования.

– Там все разнесено, – кивнул я, произнося ложь без малейших колебаний. – Явно забирали самое важное и менее громоздкое. Но пара комнат осталась почти нетронутой. И когда я это увидел… знаешь, что я подумал?

– Предполагаю…

– Верно. Я подумал, что жители славного доброго и богатого Замка сделают мне неплохое торговое предложение…

– Мы все жители одного Бункера, – возразила Милена, через плечо бросив быстрый взгляд на нарты с моей добычей. – Все мы живем в одном месте, дышим одним и тем же воздухом.

– Ну да. Пьем одну и ту же воду, и еда у нас такая же.

– Нет, – признала девушка. – Центр и Замок живут богаче. Но… Охотник, а чему тут удивляться? Ты словно не в курсе, как в старом нашем мире дела с этим обстоят. Были и есть муниципальные дома престарелых для неимущих стариков. Были и есть привилегированные дома престарелых для тех, кто в состоянии оплатить себе отдельную комнату с телевизором. А есть дома престарелых, что больше напоминают дорогущие курорты – расположены прямо на берегу океана,

где на белых пляжах доживающие свой долгий век люди покачиваются в гамаках между пальм и пьют коктейли из кокосовых орехов. Верно?

– Верно.

– Ты вот живешь… вернее, жил в Центре. Попасть сходу в Замок? А ты заслужил? Ты сделал что-то реально полезное для всего Бункера, чтобы претендовать на место среди элиты? Ты ведь не дурак, Охотник. И я далеко не дура. Мы оба понимаем, как обстоят дела.

– Верно.

– Когда ты прибыл сюда – увидел, как вот типа совсем уж плохо живут старики в Холле. Но ведь это они ленились или боялись дергать за рычаги отопления и освещения. Они за всю свою сидельческую жизнь не заработали почти ничего, чтобы суметь оплатить жизнь в Центре. Верно?

– Верно.

– И несмотря на то, что они Бункеру ничего не дали кроме вечного недовольного ворчания… Бункер продолжает их кормить!

– Вот поэтому я и разговариваю сейчас с тобой, – кивнул я и улыбнулся подошедшей старушке в чистом синем платке, мужском ватнике и длинной черной юбке, явно сшитой из нескольких штанов.

Попросив нам еще чаю и две тарелки похлебки, я вернулся к теме:

– Не спорю, что каждый разумный человек должен заранее позаботиться о своей старости. Понятно, что когда тебе двадцать или тридцать, то кажется, что до старости еще целая вечность. А потом бац… и ты вдруг седой немощный старый пердун, что едва может передвигаться… Не спорю.

– Тогда о чем наша душещипательная беседа?

– Пусть вы и кормили их, пусть предоставили бесполезным нищебродам убежище от холода и зверья… Но это все же не дает вам права относиться к

здешнему старичью как к ненужной обузе, – медленно произнес я. – Осознание своей бесполезности убивает стариков быстрее, чем пневмония. Напоминание, что их кормят лишь из милости и они всего лишь никчемный балласт… точит их изнутри, выжигает души. Ты вот лишилась ног, но при этом ты при деле, ты востребована, и поэтому твой дух высок. Ты с оптимизмом смотришь в будущее. Тебя хвалят, называют твои навыки очень важными для всех жителей Бункера… А представь – тебе бы просто пару раз в день подавали бы тарелку жидкой бурды, в качестве приправы добавляя свое едва скрываемое презрение… сколько бы ты прожила, Милена?

Убедившись, что она не торопится или не может возразить, я продолжил:

– Даже в том большом мире, когда стариков забывают, когда родные дети не звонят и не пишут месяцам, не говоря уж о том, чтобы навестить ставших ненужными отца или мать… старики умирают, как растения без света. Поверь, я знаю. Мое детство прошло в умирающей деревеньке, бывшем крупном селе, откуда сбежала вся молодежь, оставив там подыхать престарелых родителей. Не в город же тащить деревенщину, да? Я видел, каково приходится тем, кто больше никому не нужен… Пустота. Тоска. Безнадежность. И наглые голоса сытых детей, что соизволили позвонить раз в месяц и уже торопятся поскорее завершить скучный разговор, перебивая обрадованно тараторящую бабку… А знаешь, зачем они матери или бабушке позвонили? Чтобы рассказать, как они неплохо съездили отдохнуть на курорт… ну как не похвалиться своей шикарной жизнью, да? К черту такую фальшивую заботу! Это все… мусор и ложь. Тут не деньги важны. Тут достаточно подать кусок обычного хлеба, главное – подать с улыбкой и словами благодарности, а затем потратить еще полчаса, чтобы выслушать стариковскую трепотню оживившейся ненадолго бабушки, которая торопится излить свою душу кому-то, кто наконец-то захотел ее выслушать. Вот что такое забота, Милена. А ваша похлебка два или три раза в день… не надо про нее вспоминать. Не надо мне говорить, что все мы жители одного Бункера. И не надо давить на мою сознательность. Скидок не будет. Покушай холловской похлебки, выпей со мной чаю, выкури еще сигаретку и отправляйся в Замок. А там скажи, что Охотник хочет справедливую цену за свою добычу. Скажи, что если меня эта цена порадует, то я обязательно снова отправлюсь в морозную вьюгу, чтобы притащить еще много мяса и другой хорошей добычи. Хорошо?

Сумев выдержать мой взгляд, она медленно кивнула:

– Хорошо.

– Я не против, чтобы ты была посредником. Я на важные переговоры в Замок не рвусь. Просто помни то, о чем я просил раньше, и постарайся подумать еще и о Холле. Давай двадцать на восемьдесят. Что-то мне в обмен за все содержимое нарт, а что-то побольше сюда в Холл. Что-то красивое. Необычное. Что-то радующее душу. Ну или полезное. Вот это будет справедливо, Милен. Да?

– Да… – тихо произнесла девушка, опуская лицо к тарелке. – Да…

На этом мы закончили. Из нарочито явно демонстрируемой вежливости, я дождался, пока она не закончит трапезу, развлекая ее в это время пустяшными мелкими историями из охотничьей жизни. Я знал, что меня слушают внимательно, и поэтому озвучивал лишь то, что действительно имело практическую цену. Я щедро делился своим новоприобретённым опытом, рассказав, как лучше, на мой взгляд, подойти к атакующему медведю с шеи и куда вбить гарпун, я описал, как выглядят наиболее подходящие для обустройства снежной берлоги сугробы. А как я выяснил опытным путем, там имелось немало своих хитростей – сугроб надо выбирать старый, покрытый под снежным пухом толстой ледяной броней наста, но при этом сугроб не должен быть слишком большим, чтобы не привлечь ищущего укрытие медведя. Я несколько раз напомнил о том, насколько важно обустроить правильный вход в снежную берлогу – чтобы скапливающийся углекислый газ уходил сквозь него. Затем я заговорил о летающих тварях, подробно описав как их самих, так и их метод сокрушительной атаки. Рассказывал я об этом не только Милене, само собой – успел жестами подозвать стариков «управителей» Холла, и все они, рассевшись рядком, как седые старые грачи на деревенском заборе, слушали с великой внимательностью. А Тихон еще и записывал мелким-мелким почерком.

Я отдавал себе отчет, что каждая моя вылазка может стать последней. Едва не убивший меня Ахав Гарпунер доказал это. И если однажды я не вернусь, то вся скопленная и проверенная мной на деле информация просто исчезнет, растворившись в луже моей крови. Поэтому, преодолевая сонливость и желание подняться в ставшую почти родной хижину Антипия, я продолжал говорить.

Закончив с описанием крылатых червей – к этому моменту начала записывать и Милена, а нам принесли еще чая и похлебки – я показал свой модернизированный рюкзак с козырьком, что уже разок выдержал удар летающей твари. Я рассказал, как меня ударили, схватили, начали поднимать, как я отбился и упал в снег. Старики крутили на столе каркас рюкзака, но

наибольший интерес проявила Милена. Однако ее интерес был очень… специфическим. Она не удивлялась новому. Нет. Она искала в моей конструкции огрехи или же неизвестное ей ноу-хау. А вот сам рюкзак с козырьком ей явно был знаком – знаком Замку. И меня снова уколола в подреберье ледяная иголка – есть у них свои замковые «ходоки». Есть. Есть у них и свой выход из Бункера. Может, найдется и какой-нибудь транспорт наподобие моего. Теперь я окончательно убедился в этом. Вот почему хоть и бывали с мясом жесткие перебои, но медвежатина все же никогда не заканчивалась бесповоротно – в безвыходных ситуациях жители Замка отправляли кого-то из своих на охоту, и тот добывал мясо. Поэтому Милене неинтересен мой рюкзак – она уже много раз видела примерно такой же. И не раз до этого она слышала про летающих червей.

Но мои слова не были бесполезными – их жадно впитывали жители Холла.

Покончив с описанием рюкзака, я вопросительно взглянул на подошедших к столу двоих полузнакомых разнополых стариков. Она высокая, явно в прошлом очень статная, с гордо поднятой головой. Он чуть пониже, но стоящий столь же прямо. Одеты очень опрятно, и на них меховые полушубки с одинаковой вышивкой. Я вспомнил их – жители Центра. Причем одни из самых активных, тех, кто постоянно организовывает что-то массовое, будь то игра в шаффлборд или карты, общее чаепитие или совместные чтения. Я приглашающе указал им на свободное место за столом, не став задавать глупых вопросов. Им интересно. Еще бы не интересоваться – возможно, впервые за всю историю этого убежища Холл стал настолько активным, Замок всегда был таким, а вот сонливый Центр начал «провисать».

Убедившись, что меня продолжают внимательно слушать, я заговорил о еще одной мучающей меня проблеме – гребаная недосказанность. Я так и сказал, припечатав этими словами сразу все живое на приютившей нас ледяной пустоши. Высказавшись так, я начал задавать вопросы, на которые ни у кого не было внятных ответов.

Да, крутящиеся в тюремных крестах сидельцы постепенно узна?ют, что внизу есть организованная разумная жизнь. Они получают пугающую информацию, что по истечению сорокалетнего срока их просто высадят в снег и бросят на произвол судьбы. Дальше все будет зависеть только от них самих. Каждый в разное время, но они узнают эту информацию – у них полно времени на это.

Еще они знают, что там внизу ценится все механическое, как функциональное, так и нет – наручные часы, к примеру, и прочие подобные механизмы. Еще ценится любой инструмент, некоторые элементы роскоши и… что самое главное – золото и денежные знаки вроде знаменитых здесь «ленинских» рублей. Сидельцы знают, что с помощью накопленного золота – будь то даже неясным путем заполученные зубы – они смогут купить себе место в некоем достаточно уютном и сытном месте наподобие дома престарелых, где они и скоротают оставшиеся им годы. Поэтому каждый сиделец истово копит монетки и золотые зубы, цепочки и браслеты. Заодно они подбирают себе теплую одежду, стараются достать или смастерить лыжи, снегоступы, палки, защитные очки, судорожно выискивают любые лекарства и стараются поддерживаться себя в приемлемой физической форме. И это хорошо.

Но!

Имеющаяся у них информация слишком однобока!

Перед высадкой они понятия не имеют о летающих червях, о страшных медведях, о стаях снежных червей. Они не знают, как можно защититься или избежать этой опасности. Уже не счесть сколько раз я находил в снегу разорванные человеческие останки – причем с рюкзаками, полными ценных вещей, а сами кости в обрывках теплой одежды, на ногах же обломки снегоступов. Видно, что этот вот старик высаживался в полной готовности! Он был снаряжен, вооружен, знал направление, был в своем уме и держал эмоции в кулаке. Он действовал. Он пытался выжить, упорно преодолевая не столь уж великую дистанцию.

Но он погиб.

Почему?

Потому что он понятия не имел, что опасности надо ждать сверху, и поэтому прозевал удар крылатого червя.

Это как один из примеров.

Вот в чем огромная проблема. Надо задуматься над тем, что прямо сейчас над нами крутятся сотни сидельцев, что обладают крайне мутными сведениями о

том, что будет их ждать на земле внизу.

Как это исправить?

Самое время составить что-то вроде написанного простыми словами буклета. Создать в бумаге. Потом всем вместе его изучить, убрать лишнее, добавить нужное, снова проверить и… найти способ передать эту информацию наверх. Способ я вижу один – для начала эти сведения должен получить тот, кто имеет связь с Бункером. Кто-то из сидельцев либо обладает рацией, либо у него открыт кокпит, и он может читать световые сигналы или даже передавать собственные.

Спасительная информация должна быть передана наверх любым путем! А затем тот, кто получил ее, должен будет самостоятельно воссоздать сразу пяток буклетов – хоть на туалетной бумаге! – и при каждой чалке с новым узником отдавать ему одну копию. Тот в свою очередь тоже должен будет распространять эти сведения – и за пару недель каждый тюремный крест «обновит» свою ментальную прошивку.

Более чем желательно каждому из сидельцев создать по копии такого буклета и перед отбытием оставить его на самом видном месте!

Не наша вина, что мы оказываемся здесь на положении бесправных рабов, дергающих за рычаги.

Но наша вина в том, что мы ничего не делаем ради просвещения наших соотечественников!

Что я увидел, когда очнулся в промерзлом и залитом водой парящем тюремном кресте?

Ничего хорошего!

Обледенелые стены, пронзающий холод, раздутый труп во льду, багровый свет… странный рычаг.

Это неприемлемо! Да, нас всех отбирают по какому-то общему признаку. Но при этом психика у каждого своя, и я уверен, что многие или полностью съезжают с катушек, или чуток трогаются умом.

Как на это можно повлиять?

Да просто – перед отбытием каждый узник оставит на столе банку с короткой запиской и тем самым спасительным буклетом, где на первой же странице будет четко сказано главное – ты попал! Тебе здесь чалиться сорок лет. Нет, это не шутка! Со второй же страницы четкие практические указания по налаживанию быта, описание ценности предметов, рассказ о скорых «причаливаниях». Заодно важная теория – ты летишь, третий рычаг – это спусковой крючок и так далее.

Подобные известия не обрадуют, но помогут разобраться хоть в чем-то, и что самое главное – они мобилизуют тебя. Ты начнешь действовать. Ты будешь знать о рычагах, найдешь туалет, поймешь, для чего болтается на цепи тяжелый тесак. Из буклета они поймут, как важно заботиться о здоровье, регулярно заниматься спортом, поддерживать все в чистоте, не спиваться, копить золото, не отдавать за бесценок важные вещи…

Мы, те, кто уже освободился или спасся чуть раньше, должны позаботиться о тех, кто сейчас там наверху. Это наша прямая человеческая обязанность. Мы должны предоставить сидельцам четкую инструкцию по выживанию!

Я не стал говорить, что этим должен заниматься Замок.

Нет.

Мой взгляд скользил по всем сразу, и упор я делал на составление буклета. Закончил я тему тем, что попросил всех без исключения жителей Бункера щедро поделиться своими знаниями о любой сфере жизни во время невыносимо долгого пребывания в тюремном кресте. Сгодится любая мелочь! Пусть каждый день в Холле и в Центре проводятся собрания, на которых каждый получит минимум три минуты на то, чтобы поделиться своими знаниями. Если знания ценные – пусть говорит дольше. Все сказанное надо записать. Когда мы скопим достаточно информации – мы придирчиво изучим ее. Выберем для начала самое главное, перепишем набело, заменяя сложные слова простыми. Передать бы еще наверх иллюстрации, но пока это невозможно – однако качественную схему

тюремного креста передать надо! Ее вполне реально начертить самому, следуя указаниям с земли.

Как только передадим самое главное – начнем передавать второстепенное, а затем и третьестепенное. И если у нас получится пусть только наполовину, сидельцы уже станут обладателями даже не буклета, а настоящей книги по выживанию в этих неприветливых условиях.

Люди! Вот наша главная обязанность на следующие недели, а может, и месяцы.

И тут главное не зацикливаться лишь на выживании физическом – психическое выживание не менее важно. Молитвы, назидательные истории без слащавости, коллективное дружеское письмо с заверением, что каждого узника ждут здесь с распростертыми объятиями. Мы должны с помощью начертанных слов вселить бодрость духа в каждого сидельца. Мы должны заставить их быть деятельными и целеустремленными. При этом ничего нельзя скрывать – мы передадим им абсолютно все, включая страшные известия о том, что в любой момент их тюремный крест может быть сбит. Они вправе знать.

Мы сами уже спаслись. Давайте же поможем спастись и другим тоже!

Как передать собранные сведения наверх? На это есть Замок. Если они не смогут помочь – я намеренно использовал словосочетание «не смогут», а не «не захотят» – то я сам отыщу такую возможность. К примеру, постараюсь освоить световую морзянку. А может, откопаю в снегах действующий радиопередатчик.

Передача данных – на мне.

А на вас, люди добрые, я возлагаю нечто куда тяжелее – сбор и отбор самой нужной информации для всех наших собратьев.

Выговорившись, я позволил себе еще одну сигарету, выкурив ее нарочито неспешно. Убедившись, что мои слова проняли многих, я встал и принялся выкладывать рядом с Миленой все притащенное оборудование. Закончив, попросил стариков помочь с доставкой всего этого в Замок. И, прихватив стакан чая, пересел за соседний стол – не забыв извиниться перед собеседниками.

Едва я уселся, ко мне присоединились луковианцы. Потребовалось несколько минут, чтобы я сумел переключиться с одной темы на другую. Со второй попытки у меня получилось, и я опять заговорил – деловито и сухо, как и подобает надежному перевозчику.

На сборы полтора часа. Затем выступаем. Ничего не забываем, со всеми просьба попрощаться по-людски, можно оставить небольшие чисто формальные подарки – мол, мы вас не забудем, и вы нас не забывайте, люди добрые. Потратив еще чуток времени на обговаривание технических деталей вроде суммы за мои услуги, я проводил луковианцев и вернулся к первому столу, где меня дожидались управленцы Холла. Оповестив о своем грядущем маршруте, я попросил их написать приветственное письмо другим поселенцам – в том числе нашим землякам. Я и сам им передам, что в любой момент они могут перебраться в наш Бункер, но они должны знать о здешнем укладе жизни – Холл, Центр, Замок, кастовость, но при этом достаточно сытный и спокойный образ жизни у каждого. Заодно я сообщил, что скоро луковианцы притащат пару книг, несколько сломанных часов, а заодно пару патронов – это, не считая двадцати разнокалиберных золотых монет. Всю эту сумму надо будет обменять в Замке на что-нибудь реально полезное для Холла. И упор надо делать на щиты и оружие – не стоит забывать, что именно Холл находится у самого выхода. Пусть дверь крепка, а запоры надежны… лучше все же иметь под рукой достаточно оружия для отражения возможной атаки.

Когда окончательно вымотавший меня разговор закончился, я поднялся в хижину, где разделся, повесил все на просушку, а затем мгновенно отключился на лежанке, зная, что самостоятельно и без будильника проснусь ровно через час…

Глава четвертая

Начавшаяся метель была ленива. Она старательно подвывала, швыряла комья снега в стекла неосвещенного кокпита, порой накрывала нас снежным облаком, но все это делалось с этакой ленцой. Как говаривала мудрая бабушка, что повидала на своем веку «прохиндеев всяких», метель не работала, а лишь создавала видимость таковой.

Последний час я молчал, вежливо, но твердо попросив пассажиров не спрашивать меня ни о чем. Разговаривать им между собой я запрещать не стал – чужой разговор вместе со стонущими звуками метели создавали неплохой фон. Мне надо было подумать. Этим я и занялся, потратив на медленное мысленное раскусывание уже известных мне фактов больше часа. И ведь спроси меня сейчас кто – о чем думал, Охотник? Я ведь ответить и не смогу. Думал сразу обо всем и одновременно ни о чем.

У меня такое часто бывало. А порой в моменты, когда срочно требовалось продумать какую-то спешную, но рабочую стратегию, вместо этого я погружался в грезы, смешанные с воспоминаниями – как хорошими, так и плохими. И я не противился этому – знал, что так и надо. Либо в процессе ленивых мысленных заплывов в никуда решение всплывет само собой, либо же уже позднее, например, во время приготовления кофе, я вдруг обнаружу идеальный вариант выхода из ситуации. Я могу вспоминать детские солнечные деньки, когда я с редкими друзьями прыгал с крыши сарая в душистое сено, но при этом заодно придумать, как поступить с просадками логистики в одном из дальних регионов необъятной родины, где буксуют и опаздывают грузовики с моим грузом.

Спустя час я остановился. Остановился сам, остановил и гусеничного тяжеловеса, что шел с потушенными огнями по крутой дуге вот уже шестой час подряд. Я устал. Тело требовало хотя бы небольшой разминки. Когда машина замерла между двумя снежными холмами, что прикрыли нас от возможных чужих взглядов, я дернул еще раз торчащий из-под панели рычаг, выбрался из кресла и успокоительно улыбнулся старикам:

– Пару часов сушим весла.

– Сушим весла? – с недоумением пробормотал Зурло Канич.

Его вечный компаньон понял первым:

– Перерыв на отдых?

– Верно, – кивнул я, выливая из помятого термоса остатки чая в кружку. – Сейчас гляну, как там обстановка снаружи, а затем можете выбираться по своим личным делам.

– Вовремя, – улыбнулся Анло. – Весьма вовремя. В наши стариковские годы уже не получается терпеть слишком долго…

– Дорога требует жертв, – ответил я.

Отставив опустевшую кружку, я несколько раз присел, пару раз наклонился, разминая ноги и поясницу, после чего быстро оделся, не забыл прихватить оружие и открыл боковую дверь. Выскользнув на замерший трак, я присел и на несколько минут погрузился в молчание, вглядываясь и вслушиваясь в завывание усилившейся метели. Почти невозможно разглядеть что-то в черно-бело-серой пляшущей круговерти, но я честно пытался, выглядывая уже знакомые мне движения ползущих медведей. Не увидев ничего опасного, я позволил пассажирам покинуть нагретый салон и спрыгнул в снег сам.

Увидев, как разошедшиеся в стороны старики все как один присели в снег, я недоуменно хмыкнул, а затем пожал плечами и завозился с завязками штанов. Каждый оправляется так, как считает нужным. Если луковианцам-мужчинам так комфортней – так тому и быть. А ведь я предлагал им справить нужду на ходу – есть же люк в полу, опять же можно оградиться от взглядов натянутыми шкурами. Но старики предпочли ждать, и я не стал настаивать – хотя уже был готов предложить им другие варианты вроде пустых бутылок.

Пока занимался своими делами, прокручивал в голове уже пройденный маршрут, заодно прикидывая, сколько нам еще тащиться по чужим снегам.

Два убежища не были расположены так уж далеко друг от друга. Я думал добраться куда быстрее. Но обнаружилась проблема – путь преградили защищенные ледяной коркой, но неплотные внутри наметенные снежные холмы, что неузнаваемо изменили часть здешнего ледового ландшафта. Сверившись с известными мне ориентирами, сверившись с собственной картой, а затем и с луковианской, я убедился, что у нас всего два варианта.

Первый – грузить рюкзаки на спины и идти между этими холмами, пробираясь узкими тропками.

Второй – двигаться в объезд.

Я выбрал второй вариант, не собираясь устраивать изнурительный поход со стариками за спиной и при минус двадцать с лишним по Цельсию. И это все не считая довольно сильного порывистого ветра и ползающих страшных медведей.

Решение я принял самостоятельно и лишь затем озвучил его пассажирам. Возражений не последовало – чего и следовало ожидать. Дело даже не в их преклонном возрасте. Дело в той миролюбивости и рассудительности, на которые я раз за разом натыкаюсь при общении с представителями этой расы. Не зря среди них больше всех «смиренных», если судить по известной мне статистике нашего Бункера. Многие, очень многие луковианцы стараются не причинять никому вреда – даже Столпу – предпочитая сидеть на голодной диете все сорок лет и покорно отбывая долгий срок. Что показательно, как шепотом сообщил мне Тихон, они порой навещают храм в Холле, где общаются с монахами, которые по умолчанию являются носителями абсолютно чуждой для луковианцев веры. Не просто чужой – веры с другой планеты! Из другого мира… Удивительно. В этих беседах Тихон узнал, что они осуждают насилие, но при этом стараются не осуждать тех, кто к насилию прибегают, ведь осуждение и порицание – тоже своего рода насилие.

В общем, все очень запутано.

Понимая, насколько сильно напряжены этим опасным путешествием старики, я занялся готовкой – горячее питье и еда всегда успокаивают, как и вид борющегося с вечной темнотой слабого, но отважного пламени разведенного мной костерка. Защитив пламя от ветра и чужих глаз валом из снега, я добавил в огонь накопанных мерзлых веток, вытащил еще вязанку из своего бортового запаса, набил котелок снегом, бросил одну шкуру на землю, а вторую накинул на плечи и уселся. Голову шкурой закрывать не стал – и даже капюшон скинул. Ветра тут нет, шапка защищает неплохо, а мне нужна хоть какая-то слышимость – снег покрыт ледяным настом, что со звоном и хрустом ломается под тяжелым медвежьим телом.

Пассажиры предпочли вернуться в салон вездехода. С лязгом закрылась дверь – перед этим я успел попросить дернуть рычаг, чтобы внутренняя механика продолжала работать. Переживать, что остался снаружи, а в моей машине заперлись другие, я не стал. И не из веры в их непогрешимость. Нет. Просто я заранее продумал такой вариант развития событий – мало ли кого я повезу в следующий раз? – и поэтому все самое важное всегда носил с собой в рюкзаке и карманах, а еще я изучил и отрепетировал способ быстрого обездвиживания

гусеничной машины – слив кипящей красной смазки прямо на ходу. Достаточно вскрыть боковой багажный отсек и поочередно дернуть за два небольших рычага. После этого вездеход далеко не уйдет.

Дожидаясь, когда закипит вода, я улегся на бок, давая закостеневшему в водительском кресле телу отдых. Так меня и застал решивший выбраться из вездехода Зурло Канич. Следом за ним выбрался и его верный друг Анло. Старые заединщики…

– Не стоит мерзнуть ради меня, – сразу предупредил я, опять вспомнив про вежливость и участие луковианцев. – Мы здесь ненадолго.

– Хочется посидеть у живого огня, – пояснил Анло, опуская на снег принесенное одеяло.

Усевшись, прижавшись плечами, они укрылись еще одним одеялом и затихли, неотрывно глядя в пламя костра. Задумчиво глянув на их худые старческие лица, я пожал плечами и продолжать эту тему не стал. Мы молчали. Чуть утихшая метель тоскливо стонала за сугробами и холмами, будто подглядывая и тоже желая подойти к костерку, но не решаясь. Подбросив в огонь несколько сучьев покрупнее, я достал из рюкзака крохотную коробочку с драгоценной заваркой. Сыпанул достаточно щедро – надо взбодриться. Поэтому пусть постоит еще у костерка, пусть старая заварка чуть потанцует в медленно кипящей воде.

– Охотник… ты очень смелый человек, – выдал еще одно свое не слишком понятное заключение Зурло и несколько раз часто кивнул, будто подтверждая сказанное кем-то другим.

– Потому что смело пью чай в снежной пустыне? – улыбнулся я. – Тогда мы все тут смельчаки.

– Нет… нет… Ты смел, потому что можешь заглянуть под цветущие бутоны.

Я взглянул на Зурло с искренним недоумением. Правильно поняв мой взгляд, Анло с досадой ткнул локтем в защищенный толстой одеждой бок друга и подался вперед:

– Я расскажу! Расскажу понятно. Если захочешь выслушать…

– Захочу, – кивнул я. – Вам чай куда наливать? Те, кто в машине – чай горячий будут? У меня еще есть десяток конфет.

Старики засуетились, закопошились, доставая кружки и пытаясь докричаться до засевших в машине соотечественников. Я поспешно остановил их излишне резким жестом. Не надо… не надо кричать, деды. В этих местах человеческий крик будто призыв к сытному обеду. Меня поняли правильно и не обиделись. Минут через двадцать я уже сидел в водительском кресле, жевал кусок вареного мяса из тормозка и слушал подсевшего поближе Анло Дивича, баюкающего в руках медленно остывающую кружку чая. Нам навстречу неспешно плыли пологие снежные холмы.

– Мы… мы ценим деликатность. Не скрою, что в нынешние времена молодежь уже другая. Совсем другая. Участились преступления. Появились такие прегрешения, о которых мы прежде и слыхом не слыхали. Но… но кое-что нам присуще по сию пору. У нас есть древнее слово, что поясняет эту ценность. А на вашем языке…

– Нет такого слова?

– Почему же. Может, и существует у вас такое слово, но просто мы его еще не выучили. Мы не хотели обидеть даже мельком, Охотник. Ни тебя, ни твой народ.

– Кажется, я начинаю понимать, о чем пойдет речь.

– Я попробую объяснить несколькими словами. Отстраненность. Деликатность. Незамечание… если такое слово в вашем языке? Незамечание…

– Речь о том, чтобы не замечать что-то или кого-то?

– И да и нет. Поэтому так трудно объяснить. Мы не остаемся безучастными, если рядом с нами свершается преступление. Мы замечаем, если кого-то обижают, и приходим на помощь. Если мы слышим ложь – мы возражаем и выводим лжеца на чистую воду.

– Тогда я не понимаю.

– Это очень тонкая материя… очень зыбкая грань. Трудно объяснить. Я расскажу тебе простую притчу, Охотник. Мы считаем ее одной из самых первых, что была записана в священные для нас древние книги. Дело было так… Раз в году у нас есть сезон, когда природа цветет. Буквально утопает в цветах. Буйство красок, буйство жизни. В это же время танцуют жулкары. Они очень похожи на змей, но обладают ногами в последней трети туловища и зачатками крыльев, чем-то похожих на радужные прозрачные плавники.

– То есть обычные змеи у вас тоже есть?

– Да. Но очень немного. Редчайшие создания. А вот жулкаров много – и это радует наши сердца. Мы называем их самыми деликатными созданиями, Охотник. И это правда – они деликатны во всем. Жулкары питаются насекомыми, но делают это лишь в ночную пору, поедая их, когда жертвы спят внутри закрывшихся на ночь цветочных бутонов. Жулкары глотают разом весь бутон. Никакой крови, никакого шума, никакой ненужной борьбы между охотником и жертвой. Вот ты убиваешь медведя гарпуном, и он в мучениях погибает у тебя на глазах, истекая кровью, издавая рыки боли и страха… верно?

– Я убиваю его в честной схватке, – покачал я головой, не отрывая взгляда от сумрака за кокпитом. – Так что не соглашусь с тобой, Анло.

– Я не сказал ничего плохого.

– Ты не сказал это прямо. Но намекнул, что, в отличие от меня, жулкары убивают своих жертв куда деликатней. Но не стоит забывать, что их жертвы все же умирают в жуткой агонии – их сдавливают желудочные мышцы, их накрывает волна разъедающего желудочного сока. Это как минимум. Хотя не уверен насчет физиологии существ с другой планеты. Если все дело в фальшивой деликатности… то я за честную схватку, где проигравший умрет куда быстрее.

– Нет-нет… Речь не об этом… но ты начинаешь понимать. В этом вся беда – наша вера, наши убеждения и ценности… они имеют крайне расплывчатые границы. Я вернусь к притче. Жулкары… жулкары танцуют. Они устраивают свои брачные танцы на цветочных полянах, и их серебристая чешуя сверкает среди разноцветья. Они поднимаются стоймя, их тела сплетаются и расплетаются, они

нежно трутся головами о тело партнера. Великолепное зрелище… Луковианцы собираются на краях этих полян, пьют разбавленное водой вино и наслаждаются чарующими танцами прекрасных созданий. И вот однажды, когда длящиеся весь световой день танцы жулкаров подошли к концу, один из мальчиков осмелился нарушить одно из наших табу – в дни, когда жулкары танцуют, заходить на цветочные луга нельзя. Он несмело, останавливаясь на каждом шагу, подошел ближе к пышному цветочному кусту, заглянул внутрь и… со звенящим криком отшатнувшись, побежал обратно к старому наставнику, который все видел, но не стал останавливать глупый порыв юнца. Подбежав, белый от ужаса мальчик, едва сдерживающий порывы рвоты… рвоты? Ведь так? Едва сдерживая рвоту, он прохрипел, что только что узрел ужасное. Самка жулкара поедала самца… она откусывала небольшие куски от его дрожащего туловища и глотала их. Откусывала их так же, как они перекусывают стебель цветка… Мудрец внимательно выслушал юного ученика и спросил его: «А зачем же ты пошел туда, млад? Запомни же на всю жизнь одну истину: любуйся издали, благодари за подаренное и не заглядывай за цветы… Просто любуйся танцем и цветами, млад. Просто любуйся!»

В кабине вездехода повисло задумчивое молчание. Причем было такое ощущение, что вся молчаливая задумчивость исходила от меня. А остальные – я увидел это в зеркале заднего вида – сдержанно и тепло улыбались, явно ожидая моей реакции. Поискав рукой и не нащупав, я на миг включил освещение в кокпите, уже на полном автомате заодно дернув рычаг под консолью. Увидев чуть сместившуюся пару смятых сигарет, вырубил свет, вставил в губы фильтр, щелкнул зажигалкой. И вздрогнул, когда в стекло кокпита со всего маха ударило крылатое тело, что брызнуло белой едкой кровью и начало сползать. Замерзающая кровь оставляла причудливый белый узор на стекле. Узор, что чем-то напоминал сотни ломаных дорожек-тропинок, ведущих незнамо куда и украшенных жирными кровавыми кляксами. Затянувшись, я успокаивающе взмахнул рукой с тлеющим огоньком сигареты, чтобы завороженно глядящие на сползающую крылатую тварь луковианцы не переживали слишком сильно. Выкурив половину сигареты, я хлебнул уже остывший чай из кружки и спросил:

– Юный ученик последовал совету мудрого старца?

– О да, – проскрипел Зурло. – Он последовал совету. Позднее он вырос, возмужал и добился многого в жизни, оставив о себе память как о мудром и крайне деликатном человеке. Это ваше слово – человек. Но мы…

– Все мы люди, – пыхнул я дымом. – Все мы человеки. И не зря мы, обитая на разных планетах, так похожи друг на друга, – произнеся это, я покосился на боковое стекло, за которым высилась светящаяся льдистая громада Столпа, что, казалось, неотрывно следил за ползущей по снегам стальной букашкой.

– Все мы человеки, – повторил я и, аккуратно стряхнув пепел в пустую баночку, признался: – Эта история… про цветы и танцы жулкаров… не стала бы особо популярной в моих краях. В других странах – возможно. Там, где исповедуют тотальную мирность бытия, умение прощать и не замечать чужие грехи. У нас есть и похожая поговорка. Она гласит, что в чужом глазу каждый увидит соринку…

– В чужом глазу соринку видишь, а в своем бревно не замечаешь! – подхватил Анло. – Мы знаем! Хорошая поговорка! Она говорит, что между нами все же немало общего.

– Не спорю, – кивнул я. – Но мне эта история не кажется слишком мудрой. И уж точно я никогда не последую ее посылу. Я всегда стараюсь докопаться до истины, дойти до источника.

– Мы так и сказали – ты достаточно смел, чтобы заглянуть под цветущие бутоны. А мы… мы предпочитаем принимать все как есть, не особо стараясь узнать истину. Мы просто живем и стараемся наслаждаться каждым мгновением, Охотник.

Хмыкнув, я докурил, смял сигарету в банке, допил чай и, глянув на часы, сказал:

– Удивительно, но вы мне напомнили одну историю из моей жизни. Из недалекого прошлого. Хотя там не танцевали жулкары, там все же хватало цветущих бутонов…

– Расскажи, пожалуйста! – попросил Зурло, и все луковианцы оживились, придвинулись чуть ближе, смутно различимые в сумраке салона. – Мы любим истории. А от такого человека, как ты – особенно.

– Я уже говорил, что я обычный человек…

– Мы не поверим этому.

– Ваше дело, – сдался я и, выдержав небольшую паузу, чтобы оживить уже потускневшие воспоминания, снова заговорил: – Несколько лет назад я почувствовал, что мне больше некуда стремиться. Я достиг всех поставленных перед собой, казалось бы, реально долгосрочных целей, умудрившись сделать это в кратчайшие сроки. И я… начал проваливаться. Как машина, что въехала в глубокую липкую грязь, а неопытный водитель чересчур сильно давит на газ. Колеса вертятся слишком быстро, не ловят сцепления, шлифуют грязь, и машина начинает проваливаться. Вот и я так же – мне бы замедлиться уже тогда и за это время придумать новые цели поглобальней. Но я по привычке быстро добивал оставшиеся метры до победы, одновременно лихорадочно пытаясь придумать что-то новое. Получалось плохо… И как раз в те дни я услышал историю одного знакомого, что решил все бросить и податься на другой край нашей огромной страны. Ну не на самый край, конечно, но туда, где уже высится хмурая тайга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dem-mihaylov/perekrestok-odinochestva-3

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить